

9 АВА

В этой брошюре, рассказывается о дне Девятого Ава и о связанных с этим днем сокровенных чувствах вечно живого, любящего еврейского народа, который носит в себе боль веков, боль разрушения Первого и Второго Храма, боль кровавых наветов Средневековья и Новых времен, боль шести миллионов зверски замученных извергами нашего столетия.

Ощущение этой боли на протяжении веков есть душевная основа и отличительное свойство более высокого духовного состояния народа, имеющего изначально духовное предназначение.

Когда народ постигают многие бедствия и он снова возрождается, он должен думать, что это не что иное, как следствие очень глубоких причин. Так возник пост и траур и глубокая сосредоточенность на дне Девятого Ава, в который во время разрушения Храма, как об этом повествуют мудрецы Талмуда, родился Машиах. Чтобы ощутить во всей полноте дух еврейского народа нужно услышать Плач Иеремии, прочесть в этот день Девятого Ава книгу Иова и печальные главы из Книги Иеремии, «Сиониды» Иегуды Галеви. Великая скорбь совершенствует человека. Высокая печаль, любовь и радость, чувство избрания и призвания — сочетаются в Божественном единстве, и евреи это чувствуют сегодня так же, как и в прошлом.

Моше БАРСЕЛЛА, Павел ГОЛЬДШТЕЙН

ТРАДИЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ В ПЕРИОД ТРЕХ НЕДЕЛЬ ОСАДЫ И 9 АВА

17-го Тамуза начинаются дни траура, в которые отмечают разрушение Храма и потерю независимости народа израильского. В этот день решилась судьба осажденного Иерусалима. Врагу удалось прорваться в город сквозь его стены.

По преданию и другие беды нашего народа случились именно в этот день: когда евреи, вышедшие из Египта, находились в пустыне, они, воспользовавшись отсутствием Моисея, сделали золотого тельца. Когда Моисей спустился с горы Синай и увидел, как низко пал его народ, он бросил скрижали и разбил их [это произошло 17-го Тамуза].

Во времена Второго Храма, когда была братоубийственная война между Аристократом и Гирканом, Иерусалим был осажден и был такой голод, что 17-го Тамуза пришлось отказаться от жертвоприношений в Храме.

Примерно за 20 лет до разрушения Второго Храма римский наместник, желая оскорбить чувства еврейского народа и пробудить его гнев, публично сжег свиток Торы 17-го тамуза.

17-го тамуза был поставлен идол в Храме.

* * *

Пост 17-го тамуза начинается с восходом солнца и кончается с появлением звезд на небе.

Двадцать один день траура [от 17-го тамуза до Девятого ава] называют «днями осады». В эти дни не принято играть свадьбы, устраивать веселья, надевать новое платье, есть фрукты, которые в этом сезоне еще не ели, стричься.

В «три недели осады» в синагогах после чтения Торы читают пророчества, в которых пророки осуждают народ за грехи и предупреждают, что если он не очистится от грехов, то Храм будет разрушен.

В начале месяца ава траур еще увеличивается: не едят мяса, не пьют вина в знак того, что прекратили приносить жертвы и проливать вино на алтарь в Храме, не слушают музыку в знак того, что левиты не поют больше в Храме.

Девять дней с начала месяца ава не купаются в море, не стирают, не гладят белье. Суббота перед девятым ава называется «шаббат хазон» — «суббота пророчества», потому что в эту субботу после чтения Торы в синагоге читают пророчество Исаяи, начинающееся словами: «Пророчество Исаяи сына Амоца». Никак иначе не принято выражать в субботу траур.

Вершины своей траур достигает Девятого ава. За день до этого заканчивается «сеуда мафсекет», т.е. трапеза перед постом, когда едят черствый хлеб и крутое яйцо, обсыпанное пеплом. Уединяются и едят трапезу, сидя на полу.

Пост начинается за час до наступления ночи и заканчивается на следующий день, когда стемнеет.

Вечером перед 9-ым ава, евреи собираются в синагоге. Царит атмосфера скорби. В синагоге полумрак. Сидят без обуви на полу. Шепотом читают вечернюю молитву. Затем читают книгу «Эйха». Напев, сопровождающий пение, полон грусти. Уходя из синагоги, не прощаются.

Утром, встав со сна, моют руки, но не умываются. Молятся без талита и тфилин, ибо они символ красоты и роскоши.

После утренней молитвы читают «Кинот», поэтические отрывки, выражающие скорбь народа о разрушении Храма и всех других бедствиях, постигших наш народ после этого.

До полудня читают отрывки из книг «Эйха», «Иов» и из Талмуда, в которых говорится о разрушении Храма.

После полудня не так строго выполняются законы траура, разрешено сидеть на стуле, здороваться, прощаться.

9-ое ава — день, в который произошло много несчастий.

В этот день евреи, вышедшие из Египта [поколение пустыни], были осуждены на то, чтобы не войти в страну, ибо они усомнились в благости Господа и поверили разведчикам, которые говорили, что взять Эрец-Исраэль невозможно.

Первый и Второй Храм были разрушены в этот день.

Бейтар — последняя крепость повстанцев Бар-Кохбы — пала Девятого ава.

За три года до восстания Бар-Кохбы была распахана земля Иерусалима, и Адриан хотел превратить Иерусалим в город идолопоклонников, что и послужило поводом к восстанию Бар-Кохбы.

Девятого ава 1492 года 300 тысяч евреев были изгнаны из Испании.

Суббота после Девятого ава называется «Шаббат Нахаму» [«суббота утешения»] — это первая суббота из семи суббот утешения, когда читают после чтения Торы пророчества из книги Исаяи.

Пятнадцатое ава — это день веселья. В этот день играют свадьбы. По преданию в этот день было отменено запрещение браков между коленами Израиля. В этот же день было отменено проклятье колена Бениаминова.

Когда кончался сбор винограда, устраивались праздники, и девушки Израиля в белых платьях танцевали и веселились. Это тоже происходило девятого ава.

РАЗРУШЕНИЕ ПЕРВОГО ХРАМА

*(Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей
в авторизованном переводе И.Равницкого и Х.Бялика)*

ПЛАЧ ВЕЧНЫЙ

О посланных Моисеем из пустыни Фарана «высмотреть землю Ханаанскую» сказано:

«И, высмотревши землю, возвратились они... и говорили: «не можем мы идти против народа сего, ибо он сильнее нас». И подняло все общество вопль, и плакал народ во всю ту ночь, и роптали на Моисея и Аарона».

Сказание от раби Иоханана:

— И сказал Господь: «Вы плакали тогда без причины. И вот, Я установлю для вас плач из рода в род плач вечный». День тот был девятое Аба.

Таан., 29.

ДЕВЯТОЕ АВА

Предание гласит:

Разрушение храма произошло в девятый день месяца Ав, на исходе субботнего дня и «субботного года». В тот день храмовую службу отправляли Иоаривиды: левиты стояли на эстраде своей и пели славословия. «Он воздаст им, — пели они, — за их беззаконие, за их злодейство Он истребит их...». И не успели они допеть до конца — «истребит их Господь, Бог наш», как ворвались в храм язычники и схватили их.

Седьмого Ава ворвались язычники в храм Господень, пировали там и святотатствовали в продолжении трех дней и в вечер девятого подожгли храм. Пожар продолжался весь день десятого Ава. О том и гласят слова пророка:

«Горе нам! День догорает,
Тени ложатся вечерние» и пр.

там же.

* * *

И было тогда слово Господне Иеремии:

«Встань, иди в Анатот и откупи поле от дяди твоего, Ханамела».

И когда вышел Иеремия из Иерусалима, сошел с неба ангел, толкнул стопой стены Иерусалимские, и стены растрескались. И воззвал ангел и сказал:

— Пусть придут враги, пусть войдут в дом, в котором нет более хозяина, пусть ограбят, пусть разрушат его. И пусть войдут в виноградник, страж которого оставил его и ушел, и пусть вырубят лозы его, дабы не стали враги эти похваляться, говоря: «мы завоевали место это!» — Город завоеванный завоевали вы, народ убитый убивали, дом сожженный сжигали вы.

* * *

Увидя храм, объятый пламенем, взошел первосвященник на кровлю его, а вслед за ним — группа за группой взошли юнейшие из коаним с ключами от храмовых дверей в руках, и воззвали они к Господу и сказали:

— Владыка мира! Недостойные быть сокровищехранителями, заслужившими Твоего доверия — возвращаем мы Тебе ключи от Дома Твоего!

И с этими словами бросили ключи к небесам. Показалось подобие кисти руки и приняло ключи.

Когда первосвященник направился к выходу, он был схвачен воинами Навузарадана и заколот возле жертвенника, на том месте, где им совершалось обычно жертвоприношение тамид.

При виде этого дочь его кинулась бежать, вопя: «Горе мне, отец мой, радость очей моих!» — Схватили и ее и закололи, — и кровь ее смешалась с кровью отца.

* * *

Видя храм в пламени, собрали коаним и левиты арфы и трубы, бросились с ними в огонь и сгорели.

Бросились в огонь и девушки, которые в то время ткали завесу для ковчега.

* * *

Видя неминуемую гибель свою, кинулся Цидкиягу к подземному ходу, который шел от дома царского до степей Иерихонских. Направил Господь оленя по линии подземного хода; погнались за ним вавилоняне и настигли его у выхода из подземелья в тот момент, когда выходили оттуда Цидкиягу с сыновьями, и вавилоняне тут же схватили их.

* * *

Отправил Навузардан Цидкиягу и сыновей его к Невухадonosору, предлагая царю поставить Цидкиягу такой вопрос:

— Ради чего изменил ты мне? И по какому закону судить тебя? По уставам твоего Бога — ты подлежишь казни за то, что нарушил клятву, данную тобою именем Его. По закону государственному — ты должен быть казнен потому, что всякий, кто нарушит присягу свою царю, подлежит смерти.

— Прошу тебя, — сказал Цидкиягу Невухадonosору, — убей меня первым, дабы не видеть мне крови детей моих.

— Нас убей, государь, сначала, — взмолились к Невухадносору сыновья Цидкиягу, — не дай нам видеть пролитую кровь отца нашего!

Невухадносор же сделал так: зарезал перед Цидкиягу сыновей его, у Цидкиягу выколол глаза и бросил их в печь, а его самого отвел в Вавилон.

И вопил Цидкиягу, говоря:

— Придите, люди, взгляните. Пророчествовал Иеремия обо мне: «Будешь ты отведен в Вавилон и в Вавилоне ты умрешь, но не увидят Вавилона глаза твои». Не желал я слушать слов его. И вот в Вавилоне я, но не видят его глаза мои.

* * *

Приближаясь, на обратном пути из Анатота, к Иерусалиму, увидел Иеремия — дым клубится, восходя от того места, где Храм находится. И подумал он: «Не раскаялся ли народ, возобновив жертвоприношения Господу? Ведь это — дым от воскурений вижу я».

Ворота оказались запертыми.

Взошел Иеремия на городские стены и увидел он: вместо Храма груды камней.

И возопил горестно Иеремия и воскликнул он:

«Ты влек меня, Господь, —

Я шел, Тобой влекомый»*.

* Когда Иеремии было слово Господне откупить поле в Анатоте, в уделе Вениамина, пророк, влекомый туда волей Божьей, подумал: «Отменил Господь кару Свою; враги не разрушат Храма, и не будет изгнан народ из земли своей».

* * *

Пошел Иеремия дорогой своей. Идет и вопит:

— Где путь, которым пошли грешные? Где дорога, которою бредут погибающие? Пойду, погибну вместе с ними.

Идет он и видит — весь путь кровью залит, и земля по обеим сторонам его кровью забрызгана. Пригнулся он лицом к земле — следы малюток, следы грудных детей на этом пути оттиснулись; и склонялся пророк к земле и припадал устами к следам этим! Следя по ним, дошел он до того места, где находились малютки эти вместе с другими изгнанниками, и обнимал и лобызал их.

Вот увидел пророк: толпа юношей заключена под ярмо железное — и согнул он и свою голову под ярмо это. Толпа старцев брела закованная в цепи. Приник к ним пророк головой своей. И от них удалили его. Увидел это Навузарадан и повелел отвести его в сторону. Стоя в отдалении от них, плакал пророк и плакали все, взирая на него.

— «Братья мои! Племя родное! — говорил пророк, — все это приключилось вам за то, что не послушались вы предсказаний моих».

* * *

Когда достигли берега Евфрата, Навузарадан сказал Иеремии:

— Если желаешь, иди со мной в Вавилон.

Подумал об этом Иеремия и рассудил так: «Если я пойду в Вавилон, не останется никого, чтобы слово утешения сказать тем, кто в Иерусалиме остался».

Отошел от изгнанников Иеремия. А те, видя это, подняли громкий плач и завопили горестно:

— «О, Иеремия! О, отец наш! Вот, и ты нас покидаешь». Отвечал Иеремия:

— Небо и землю в свидетели беру: если бы вы хотя единый раз заплакали, пока вы в Сионе находились, вы не были бы изгнаны оттуда.

ПЛАЧ ГОСПОДЕНЬ

«И Господь, Господь Саваоф призывает вас в день этот плакать и сетовать, и рвать волосы свои, и одеться в рубище».

Когда созрело решение Господа предать уничтожению святую Обитель Его, Господь сказал:

— Дотоле, пока Я обитаю в Доме этом, рука иноземного не коснется его. Отведу от него очи Мои и поклянусь не воссоединиться с ним до времени урочного, — и придут иноплеменные и разрушат его.

Отвел Господь десницу Свою, — «отвел десницу свою от неприятеля», — и вошли враги в Святилище и сожгли его.

— «Отныне, — сказал Господь, — нет для Меня обиталища на земле, — пусть же отойдет от него Шехина Моя, и удалюсь Я в прежнюю обитель Мою».

И плакал Господь и говорил:

— Увы! Что свершил Я! Ради народа Моего Я Дух Мой на земле поселил, а ныне, когда согрешил народ, Я удаляюсь в прежнюю обитель Мою. Совершиться ли этому? На смех Я стал для народов, для людей на издевательство!

Явился Метатрон, пал на лицо свое перед Господом и сказал:

— Владыка мира! Дай плакать мне, но не плачь Ты, Господи! Отвечал Господь:

— Если ты не дашь воли слезам Моим, Я уединюсь в тайники, куда и тебе доступа нет, — «втайне плакать будет душа Моя».

И Ангелам-Служения сказал Господь:

— Идите, и пойду Я с вами, и поглядим мы, что сделали враги с Домом Моим.

И шествовал Господь, и Ангелы-Служения с Иеремией предшествовали Ему. И когда увидел Господь, во что превратился храм, воскликнул Он:

— Да, вот Дом Мой, вот место отдохновения Моего, куда пришли враги и сделали все, чего пожелали! И восплакал Господь и воззвал, говоря:

— Горе мне о Доме Моем! Где вы, дети Мои? Священники, левиты Мои, где вы? Возлюбленные Мои, где вы? О, как помочь Мне вам? Сколько раз предостерегал Я вас, и не раскаялись вы!

— Иеремия! — сказал Господь, — Я подобен ныне человеку, у которого был единственный сын. Пир венчальный приготовил он сыну своему, а сын во время венчания умер. И не болит сердце твое за Меня и за детей Моих? Иди, зови из могил Авраама, Ицхака, Яакова, Моисея, — они знают, как плакать надо!

— Господи, — сказал Иеремия, — где погребен Моисей — неведомо мне.

— Иди, стань на берегу Иордана, подними голос свой и взывай: «Бен Амрам! Бен Амрам! Встань и взгляни, как овец твоих растерзали враги!»

Пошел Иеремия к гробнице Махпела и воззвал к праотцам мира:

— «Встаньте. Пришло время, когда вы призываетесь пред лицо Всевышнего».

— Для чего? — спросили праотцы.

— Неведомо это мне, — ответил Иеремия, из страха услышать упреки от них: «В *твое* время приключилось подобное бедствие детям нашим!»

Отошел Иеремия, встал на берегу Иордана и воззвал:

— Бен Амрам! Бен Амрам! Встань: настало время, когда ты призываешься пред лицо Всевышнего.

— Чем день нынешний отличается от других дней, — прозвучал голос Моисея, — что меня призывают пред лицо Господне?

— Неведомо это мне, — ответил Иеремия.

Не спрашивал его более Моисей, но обратился к Ангелам-Служения, которых он знал со времени дарования Завета на Синае, и так сказал он им:

— Слуги небесные! Ведомо ли вам, для чего призывают меня пред лицо Всевышнего?

— Бен Амрам! — отвечали Ангелы-Служения, — не знаешь ты, что храм Господень разрушен и народ в изгнание уведен?

Разодрал Моисей одежды Славы, в которые Господь облачил его, заломил над головою руки свои и, плача и вопя, к гробнице праотцев пошел. Разодрали и праотцы облачение свое, положили руки на головы свои и шли они, вопя и плача, пока не дошли до врат храма.

Узрел их Превечный, как идут они плача от одних ворот к другим, как человек скорбящий о смерти дорогого ему существа, и Господь, оплакивая совершившееся, говорил:

«Горе царю, в юности счастливому и несчастному в старости своей!»

Эха-Р.

ПЛАЧ ПРАОТЦЕВ

Терзая пряди бороды своей, взъерошивая волосы на посыпанной пеплом голове, сжатыми кистями рук бия по лицу себя, в разодранных одеждах, с плачем великим предстал Авраам перед Господом. С криками и воплями обходя развалины храма, взывал он к Превечному:

— За что, Господи, всех других родов и племен злосчастие удел мой? За что до такого позора и унижения довел Ты меня?

Видя это, и Ангелы-Служения, став ряд против ряда, подняли плач и восклицали они:

— Опустели дороги и больше нет путников, — дороги, проложенные Тобою к Иерусалиму, чтобы путники не переставали проходить по ним, — как запущены они! Дороги, по которым народ Израильский приходил и возвращался в праздники свои, — о, как опустели они!

Воззвал Господь к Ангелам-Служения и сказал:

— О чем, рядами вторя друг другу, вы плач поднял I?

— Владыка мира! — отвечали ангелы, — плач наш об Аврааме, возлюбленном Твоем: за что на него не призрел Ты, Господи?

Сказал Господь:

— С той поры, как отошел возлюбленный Мой в жизнь вечную, не являлся он предо Мною; а ныне — чего желает друг Мой в доме Моем?

Отвечал Авраам:

— За что Господи, изгнаны Тобою дети мои? За что разрушен храм, воздвигнутый на месте том, где я сына моего приносил в жертву всесожжения Тебе?

— Сыны твои, — сказал Господь, — согрешили, преступив все заветы Торы, все двадцать две буквы, начертанные в ней.

— Господи! Кто в этом свидетельствует против них?

— Тора сама да предстанет и свидетельствует против Израиля!

Предстала Тора свидетелем на суд Всевышнего.

— Дочь моя! — воззвал к Торе Авраам, — Ты явилась уликою против Израиля, преступившего уставы твои, — и нет стыда предо мною на лице твоём? Вспомни день, когда Господь ходил, всем народам и племенам предлагая тебя, и никто из них принять тебя не желал, покуда не пришли сыны мои к горе Синайской и приняли тебя, и чтили тебя. А ныне, в день их несчастья, ты приходишь свидетельствовать против них?!

Отошла Тора и молча стала в стороне.

— Да предстанут двадцать два знака Писания, — повелел Господь, — и свидетельствуют против Израиля.

Предстали священные буквы, и выступила буква «Алеф» первой уликой против Израиля.

Обратился к ней Авраам и сказал:

— *Алеф!* Ты — начальная среди букв и ты выступаешь обвинителем против народа Израильского в дни несчастья его? Вспомни день, когда явился в откровении Господь на горе Синайской и с тебя Десятизаконие начал: «*Анохи(Я)* Господь Бог твой», — и ни один народ принять тебя не желал, кроме сынов моих. И ты же выходишь свидетельствовать против них?!

Отошла «Алеф» и молча стала в стороне.

Выступила буква «Бет».

— Дочь моя! — сказал ей Авраам, — тебе ли свидетельствовать против сынов моих, столь ревностно изучавших Пятикнижие, которое с тебя начинается повествование свое? (*Берешит* — «В начале сотворил» и пр.)

Отошла «Бет» и молча стала в стороне.

Видя, как Авраам две первые буквы безмолвствовать заставил, все остальные сами отошли стыдливо, и ни одна не стала говорить ничего в улику против Израиля.

И воззвал тогда Авраам к Господу, говоря:

— Владыка мира! На сотом году жизни моей Ты сына дал мне, и когда он был в полном расцвете сознания, тридцати семи лет от рождения, Ты сказал мне: «Принеси его в жертву всежжения Мне»; как злодей встал я на сына моего, не сжалился над ним, своими руками связал его, — и Ты не зачтешь мне этого, Господи, не сжалишься надо мною?

Воззвал Ицхак и сказал:

— Владыка мира! Когда отец сказал мне: «Господь усмотрит Себе агнца для всежжения, сын мой», — я не восставал против веления Твоего и доброй волей дал связать себя для всежжения и протянул шею свою под нож. И не зачтешь Ты мне этого, Господи, и не смилуешься надо мной?

Воззвал Яков и сказал:

— Владыка мира! Не был ли я слугою двадцать лет в доме Лавана? А когда я ушел оттуда, встретил меня нечестивый Исав, намеревавшийся убить детей моих, и должен был я собственной душой жизнь их защитить. И ныне, после того, что я, как птенцов, взлелеял их и муки принимал, чтобы взрастить их, — ныне предаешь Ты их, как овец на заклание, в руки врагов. И не зачтешь Ты мне перенесенного мною, и не сжалишься, Господи?!

Воззвал Моисей и сказал:

— Владыка мира! Не был ли я сорок лет пастырем верным для Израиля? Быстрым конем я мчался перед ними в пустыне. А когда пришло время войти им в Землю Обетованную, Ты произнес надо мною приговор: «В пустыне падут кости твои». А ныне, послав народ в изгнание, Ты призвал меня, чтобы скорбеть и оплакивать его. Истинно говорят люди: «От милостей господина не мило мне, от немилости его горе мне».

* * *

И сказал Моисей Иеремии:

— Веди меня. Пойду к ним, взгляну, чья рука тяготеет на них.

— Нет проходу, — отвечал Иеремия, — все дороги телами убитых покрыты.

— Все-таки, пойдем.

Пошел Иеремия и Моисей вслед за ним. Дошли они до рек Вавилонских. Увидели изгнанники Моисея и друг другу говорить стали:

— Вот, бен Амрам из могилы встал, чтобы от рук врагов избавить нас. Раздался голос небесный:

— «Изгнание ваше решено Мною!»

— Дети мои! — сказал Моисей, — возвратить вас не в силах я, — неизменно Господом решено это. Но Он, Всемилосердный, вскоре вернет вам милосердие свое.

И отошел от них Моисей — и к праотцам мира пришел он. И спросили праотцы:

— Что сделали враги с сынами нашими? Отвечал Моисей:

— Одних умертвили, у других руки за спину подвернули и связали, кого в цепи железные заковали, кого раздетыми и нагими повели. Одни в дороге пали мертвыми, и тела их сделались добычею для птиц небесных и для зверей земных, другие под палящим солнцем на муки голода и жажды брошены.

Подняли праотцы плач и стенание и, рыдая, говорили они:

— Увы! До чего дожили вы, дети наши! Как сироты без отца стали вы. В полдень в летний зной — без одеяния, лежите вы в наготе неприкрытой. По горам бредете, по острому каменнику, без башмаков, без сандалий. Грузом пескаотягощены плечи ваши. Подвернуты назад и связаны руки ваши. Слюны своей проглотить не в силах вы...

— Будь проклято, солнце! — воскликнул Моисей, — зачем не погасло ты в тот час, когда в Святилище Господне враги вошли?

— Клянусь, — отвечало солнце, — клянусь тебе, Моисей, пастырь верный! Как было погаснуть мне, когда ни на мгновение не отходили от меня, — шестьюдесятью бичами огненными бичевали меня, говоря и повторяя: «иди и свети полным светом своим!»

— Увы, обитель святая! — продолжал Моисей, — тьмою стало сияние твое. Как ужасно разрушение твое! Грудой пепла Святилище стало: питомцы школ — жертвами смерти, отцы их — добычею меча, плена и изгнания.

— Вас, полонивших их, заклинаю я: не подвергайте их казни жестокой, не предавайте их истреблению полному; не убивайте сына перед отцом его и дочери перед матерью ее: Придет, говорю вам, время и взыщет с вас Господь за это!

Не внимали вавилоняне мольбам его.

— Владыка мира! — взывал Моисей, — в Торе Твоей написано: «Ни коровы, ни овцы не закалывайте в один день с порождением ее». А вот, сколько убито детей вместе с матерями их, а Ты молчишь, Господи!

В эту минуту очутилась перед Господом Рахель, мать наша, и воззвала она:

— Господи, Владыка! Тебе ведомо, как велика была любовь ко мне раба Твоего Якова. Семь лет прослужил он ради меня отцу моему, а когда пришло время мне сделаться женою его, отец решил подменить меня сестрой моей, и я не возревновала его к сестре моей. Я, из плоти и крови созданная, прах и пепел, ревновать не стала к сопернице моей; Ты же, царь живой, сущий и милосердный, тебе ли ревновать к идолам, мертвым и ничтожным, и за них изгонять детей моих?

В эту минуту вернулось милосердие Божие, и сказал Господь:

— Ради тебя, Рахель, я возвращу народ Израильский в пределы его.

«Так сказал Господь:

Голос в Раме слышен,

Вопль и горькое рыдание, —

То Рахель о детях слезы льет

И утешиться не хочет.

Удержи свой голос от рыдания
И глаза свои от слез,
Ибо ждет тебя за труд награда, —
Говорит Господь, — в свои пределы
Возвратятся вновь сыны твои».

Еха.-Р.

МУКИ ИЗГНАННИКОВ

*«Звала я друзей моих, —
Они обманули меня».
Плач Иеремии, 1, 19.*

Предание от раби Иошуа бен Леви.

Направляемых в Вавилон изгнанников Иерусалимских вели с завязанными за спиной руками, закованными в железные наручники, голышом, как животных. Когда проходили мимо по селений измаильтян, изгнанники стали просить начальников конвоя:

— Окажите нам милосердие и жалость — проведите нас через селения братьев наших, потомков дяди нашего.

Просьбу их исполнили. Вышли измаильтяне навстречу и стали предлагать им соленого хлеба и рыбного рассола, а вместо воды — пустые мехи, наполненные воздухом и снаружи смоченные водою. Поев соленое и полагая, что в мехах вода, израильтяне хватались зубами за мехи, воздух входил в их легкие — и они падали замертво.

Таким же образом — по преданию от раби Иоханана, — по гибели восемьдесят тысяч юношей-коганидов. Вооруженные золотыми щитами, прорвались они через войска Невухадоносора и направились к измаильтянам.

— Вы потомки дяди нашего, — говорили они сынам, — дайте нам воды напиться!

— Вы поешьте сперва, отвечали те и, накормив их соленым, давали им вместо воды мехи, наполненные воздухом.

Эха.-Р

* * *

Раби Иоханан бен Заккай говорил:

— Почему местом изгнания народа Израильского избран был Вавилон преимущественно перед другими странами? Потому, что род Авраама происходил оттуда. Куда отсылает муж согрешившую перед ним жену? — В дом отца ее.

Тосеф. Б.-К.

* * *

По преданию от раби Иоханана:

— Во все время царствования нечестивца Невухадоносора не появлялся смех на устах ни у одного человека. О времени после смерти Невухадоносора и гласит стих пророка: «Вся земля отдыхает, покоится и поет ликуя».

Шаб., №149.

РАЗРУШЕНИЕ ВТОРОГО ХРАМА

*(Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей
в авторизованном переводе И.Равницкого и Х.Бялика)*

РОКОВОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

За сорок лет до разрушения Второго храма светильник, прежде неугасимый, стал потухать, и врата Святилища начали открываться сами собою.

* * *

Предание от раби Леви:

— В продолжение шести лет (перед разрушением храма) тлел уголь на руке архангела Гавриила, который все ждал в надежде, что народ раскается. Не видя раскаяния, он готов был в гневе бросить запылавший уголь в царство Израильское, но остановил архангела голос Господень:

— Гавриил! Гавриил! Умерь гнев свой: есть и среди этого грешного народа сердца милосердные.

Иома, 39; Еха Р.

ИЗ-ЗА ЧЕГО?

Предание от раби Иоханана:

— «Блажен человек, который всегда осторожен; ожесточенный сердцем впадает в несчастье». Из-за Камцы и Бар-Камцы разрушен был Иерусалим. Из-за петуха и курицы — Тур Малка. Из-за тележной оси — Бетар:

а) Камца и Бар-Камца

Некий человек имел друга по имени Камца и врага по имени Бар-Камца. Однажды, устроив пир, человек этот сказал своему слуге:

— Иди и скажи Камце, что я приглашаю его на пир. Слуга по ошибке пригласил Бар Камцу. Войдя в пирушественную залу и увидя Бар-Камцу среди гостей, хозяин, обращаясь к нему, сказал:

— Ведь ты враг мне. Место ли тебе здесь? Встань и уйди.

— Прошу тебя, — сказал Бар-Камца, — так как я уже нахожусь здесь, позволь мне остаться; я готов заплатить стоимость всего, что съем и выпью на твоём пиру.

— Я на это не согласен, — ответил хозяин.

— Я уплачу половину стоимости всего пира.

— Не желаю.

— Уплачу все, сколько пир стоит.

— Нет! — решительно сказал хозяин и, схватив гостя за руку, заставил его встать и удалиться.

«При нанесенной мне обиде, — сказал себе Бар-Камца, — присутствовали просвещеннейшие люди города и не заступились за меня, — они, следовательно, рады моему унижению. Хорошо же, пойду с доносом на них к кесарю».

Явившись к кесарю, Бар-Камца сказал:

— Государь! Евреи изменили тебе.

— Чем ты докажешь это? — спросил кесарь.

— Пошли им, — ответил Бар-Камца, — жертвоприношение, и увидишь принесут ли они жертву твою.

Послал кесарь через него же трехлетнего тельца. В дороге Бар-Камца сделал тельцу повреждение на верхней губе (по другому преданию — в роговой оболочке) что делало животное неприемлемым для жертвоприношения. Держали ученые совет и решено было: ради царя, принять тельца для жертвоприношения. Восстал против этого раби Захария бен Евколос:

— Это, — сказал он, — может создать в народе мнение, что вообще животные с телесным изъяном могут быть приносимы в жертву.

Пришли к решению — казнить Бар-Камцу, дабы он не стал доносить о деле этом кесарю. И тут противником общего мнения выступил раби Захария:

— Утвердился мнение, — сказал он, — что казни подлежит всякий, кто причинит жертвенному животному повреждение. По поводу этого раби Иоханан говорил:

— Смиреномудрие раби Захарии бен Евколоса привело к разрушению нашего храма, сожжению Святилища и изгнанию народа из родной земли.

Три года продолжалась осада Иерусалима Веспасианом. В Иерусалиме в то время жили три богатых человека: Накдимон бен Горион, Бен Калба-Шабуа и Бен Цицит-Гакесат. Эти трое заявили, что принимают на себя продовольствие всех жителей Иерусалима: первый пшеницей и ячменем, второй вином, солью и елеем, третий топливом. В их складах оказалось предметов продовольствия для всего города на двадцать один год.

Партия zelотов настаивала на том, чтобы сделать вылазку и попытаться отеснить римлян. Люди благоразумные, напротив того, советовали вступить в мирные переговоры с Веспасианом. Тогда zelоты сожгли все продовольственные склады, и в городе наступил жестокий голод.

Выйдя на улицу, увидел раби Иоханан бен Заккай, как народ варит в воде солому и воду эту пьет. И воскликнул он:

— Люди, которым осталось одно это питание, — им ли устоять перед силами Веспасиана? Остается единственное средство: мне необходимо выбраться из стен города.

Во главе иерусалимских zelотов стоял Аба-Сикара бен Батиах, племянник раби Иоханана бен Заккай. Послал к нему раби Иоханан и велел сказать: «Приди ко мне для тайного совещания». Аба-Сикара пришел.

— Скажи мне, — обратился к нему раби Иоханан, — доколе вы будете поступать так, обрекая народ на голодную смерть?

— Что же я в силах сделать? — отвечал Аба-Сикара, — ты знаешь, что за малейшее возражение они (zelоты) убьют меня.

— Вот что, — сказал раби Иоханан, — найди способ, как выбраться мне из города; может быть, удастся хотя сколько-нибудь облегчить нашу участь.

— Нами установлено, чтобы никого живым не выпускать из городских стен.

— Вынесите меня как бы умершего.

Хорошо, сделаем так: ложись в постель и притворись больным, а в постель положи что-нибудь с гнилостным запахом. Придут проведать тебя — и разнесется слух, что ты умер. Соберутся ученики твои и вынесут тебя в гробу за город для погребения.

Раби Иоханан так и сделал. Понесли ученики гроб с раби Иохананом, — в головах шел раби Елеазар, в ногах — раби Иошуа. До городской стены дошли только на закате.

— Кого несете? — окликнула их стража.

— Покойника. Вы разве не знаете, что покойников не оставляют на ночь в Иерусалиме?

Zелоты вознамерились проколоть тело копьем, но Аба-Сикара остановил их, сказав:

— Не делайте этого: будут говорить: «Учителя своего закололи!»

Zелоты отворили ворота и пропустили их с гробом. Дойдя до лагеря Веспасиана, открыли гроб. Встал раби Иоханан и приветствовал Веспасиана словами:

— Мир тебе, император! Мир тебе, император!

— Ты вдвойне заслуживаешь смерти, — отвечал Веспасиан: за то, что ты величаешь меня императором, а я не император; затем, если императором меня считаешь, почему ты до сих пор не являлся ко мне?

— Государь! — ответил раби Иоханан, — если бы ты не был императором в эту минуту, Иерусалим не был бы отдан в руки твои, ибо сказано: «Ливан от могучего падет». Не являлся же я раньше к тебе потому, что zelоты не давали мне сделать это.

На это Веспасиан сказал:

— Ехидна обвилась вокруг бочки с медом. Что остается сделать, если не уничтожить бочку вместе с ехидной?

Не нашелся раби Иоханан, что ответить. По этому поводу рав Иосиф (а по словам других — раби Акиба) сказал:

— Воистину: «низвергает ум мудрецов и превращает знание их в глупость». Раби Иоханан должен был бы ответить: «щипцами удаляют змею и бочку сохраняют в целости».

В это время прибыл из Рима гонец с известием, что Нерон умер и императором провозглашен Веспасиан.

— Я ухожу отсюда, — сказал Веспасиан раби Иоханану, — и пришлю вместо себя другого. Проси чего хочешь, просьба твоя будет исполнена.

Зная, что просить о пощаде Иерусалима бесполезно, раби Иоханан сказал:

— Государь! Прошу тебя: пощади город Явне с его учениками и пощади княжеский род рабан Гамлиеля.

* * *

За три преступления был разрушен Первый храм: за идолопоклонство, кровосмешение и кровопролитие. Но Второй храм, во времена которого занимались изучением Торы и исполнением заповедей, и процветала благотворительность, — за что подвергся этот храм разрушению? За беспричинную вражду. Этим указано, что беспричинная вражда равносильна вместе взятым идолопоклонству, кровосмешению и кровопролитию.

б) Разрушение Тур-Малки

Существовал обычай — в свадебном шествии нести перед женихом и невестой петуха и курицу, символ плодородия. Однажды со свадебным шествием встретились римские воины и отобрали петуха и курицу. Свадебные гости кинулись на римлян и побили их. Донесли императору: «Иудеи взбунтовались 'против тебя».

И пошел император на Тур-Малку.

Был среди жителей Тур-Малки некий богатырь Бар-Дероми. (*Житель юга, южанин*) Человек этот делал прыжок версту в длину и на всем этом пространстве производил избиение римлян. Видя это, снял император венец свой и, положив его на землю, воскликнул:

— Властитель мира! Молю Тебя, не предавай меня и царства моего в руки единого человека.

Бар-Дероми же горделиво воскликнул: «Не Ты ли, Боже, отринул нас и не выходишь, Боже, с войсками нашими?» — Ужалила Бар-Дероми ехидна, и он умер. Узнав об этом, император сказал:

— В благодарность за чудо, совершенное ради меня, я оставлю город этот в покое.

Едва император удалился, свадебные гости принялись пировать и веселиться. Освещение на этом пиршестве было такое, что на расстоянии целой версты от города можно было различать начертание именной печати на перстне.

— «Так вот что! — подумал император, — иудеи издеваются надо мной!» — И он снова напал на город.

* * *

Предание гласит:

Приговорив к смертной казни двух иудейских богатырей в Лаодикее, братьев Юлиануса и Папиаса, император Траян обратился к ним с такими словами:

— Вы единоплеменники Ханании, Мисаила и Азари. Пусть же явится Бог ваш и спасет вас от меня также, как он спас Хананию, Мисаила и Азарию от Невухадносора.

На это Юлианус и Папиас ответили:

— Ханания, Мисаил и Азария были истинными праведниками и достойны были, чтобы произошло чудо для их спасения; и царь Невухадносор был личностью незаурядной и достоин был, чтобы через него чудо то совершилось. А ты, нечестивец, — человек ничтожный, не достоин ты, чтобы через тебя чудо сотворилось. Мы же заслужили гибели своей, и если не ты казнишь нас, то есть у Господа много других истребителей, — достаточно есть медведей, львов, тигров, чтобы напасть и умертвить нас. И если предал нас Господь в руки твои, то Он же и взыщет с тебя за кровь нашу.

Не взирая на слова их, Траян тут же казнил обоих. Предание гласит, что не успел Траян тронуться оттуда, как был убит двумя посланцами из Рима, которые, напав на него, поленьями размозжили ему голову.

* * *

Окружили иудеев воины Траяна и умертвили их. Женщинам же Траян сказал:

— Будьте послушны моим воинам, дабы я не поступил и с вами так, как поступил с мужьями вашими.

— Сделай с женщинами то, что ты сделал с мужчинами, — ответили жены иудейские.

Окружили их воины Траяновы и умертвили всех, и смешалась кровь их с кровью убитых мужей.

в) Разрушение Бетара

Существовал обычай: когда родится сын, сажали кедровое дерево, когда родится дочь, сажали акацию: когда дети эти выросли и вступали в брак, срубали деревья и изготовляли из них шесты для венчального балдахина. — Однажды через Бетар проезжала дочь императора, и сломалась ось в ее колеснице. Слуги срубили первый попавшийся кедр и сделали новую ось. Напали на них иудеи и побили их. Донесли римляне императору: «Иудеи взбунтовались». Пошел император на Бетар.

* * *

Истребление бетарийцев продолжалось до тех пор, пока кровь их не стала литься через пороги домов, через кустарники, через края водостоков. Кони тонули в крови. Камни весом в сорок саа катило кровавым потоком. На протяжении четырех верст окрашена была кровью вода морская. Виноградник был у Адриана, восемнадцати верст в квадрате, и повелел император поставить вокруг этого виноградника ограду из убитых бетарийцев, воспретив хоронить их. И лишь впоследствии, по приказу другого императора, трупы эти преданы были погребению.

Предание гласит, что в продолжение семи лет собирали урожай с напитанных иудейской кровью виноградников, обходясь без удобрения.

Еха-Р.; Иеруш. Таан., 4; Гит., 57.

* * *

«Вот он стоит за нашей стеною». Рав Аха учил:

— От западной стены храма никогда не отходил дух Господень. (От храма осталась часть западной стены, существующая и поныне.)

Танх. Гак.

МЕНАХЕМ

В день разрушения храма родился искупитель. Некий человек пахал поле. Замычала телица его. Шедший мимо араб обратился к пахарю с вопросом, какого племени он.

— Иудей, — ответил пахарь.

— Иудей! Иудей! — сказал араб, — распряги телицу и оставь плуг свой.

— Зачем?

— Святылище иудейское разрушено.

— Откуда узнал ты об этом?

— Из мычания телицы.

В эту минуту телица снова замычала. И араб сказал:

— Иудей! Иудей! Запряги телицу и берись за плуг свой: родился Мессия, искупитель Израиля.

— Как имя его?

— Менахем. (*Менахем — утешитель*)

— А имя отца его?

— Иезеккия.

— А где находится он?

— В Вифлееме иудейском, в Бет-Лехеме.

Пошел пахарь тот, продал телицу свою, продал плуг и стал торговцем детскими пеленками. Ходил он из города в город, из одной области в другую, пока не пришел в то место (в Вифлеем). Стали приходить женщины из всех окрестных сел покупать пеленки. Одна только женщина, мать Менахема, пеленок покупать не стала. Услыхал он, как другие женщины говорят ей:

— Мать Менахема! Мать Менахема! Купи и ты пеленки для своего сына. А она отвечает:

— Дай Бог удавиться всем врагам Израиля! (*Иносказательно проклятие относится к сыну ее.*)

— Почему говоришь ты так? — спрашивают женщины.

— Потому, что в тот день, когда он родился, разрушен был храм Господень.

Тогда он обратился к ней и сказал:

— С появлением на свет сына твоего храм был разрушен; но уверен я, что через него же храм будет восстановлен снова.

— У меня денег нет, чтобы купить пеленки, — сказала женщина.

— Это для меня безразлично, — ответил он, — бери пеленки для сына, а я в другой раз приду, и ты заплатишь за них.

Придя через некоторое время в тот город, где жила женщина эта, он решил пойти взглянуть на ребенка. Пришел и спрашивает:

— Как поживает сын твой?

— Его нет больше у меня, — ответила женщина, — сейчас после того, как ты встретился со мною, налетели ветры бурные, вырвали его из рук у меня, унесли, и нет его.

Иеруш. Бер.; Еха-Р.; Мид. Пан. Ах.

* * *

Шли дорогою рабан Гамлиель, раби Елиезер бен Азария, раби Иошуа и раби Акива. За сто двадцать миль до Рима стал шум форума доноситься до них. Трое первых заплакали, а раби Акива засмеялся.

— Как можешь ты смеяться, Акива? — воскликнули они.

— А вы о чем плачете? — ответил вопросом раби Акива.

— Язычники эти, — ответили они, — поклоняющиеся истуканам и идолам кадящие, живут в безмятежном мире, а мы, — Святылище наше, подножие Господа нашего, в огне сожжено, — как не плакать нам?

— Потому-то я и смеюсь радостно, — сказал раби Акиба, — если преступающим волю Его Господь дает счастье, то тем более он даст счастье тем, кто исполняет святую волю Его.

В другой раз они же шли по пути к Иерусалиму. Дойдя до горы Цофим, разодрали они одежды свои. На храмовой горе увидели шакала, выходящего из развалин Св. Святых, и горестно заплакали они, а раби Акива рассмеялся.

— Чего ты смеешься, Акива? — спросили они.

А вы чего плачете? — ответил вопросом раби Акива.

— В том месте, о котором сказано: «посторонний, который приблизится, умрет», ныне шакалы бродят, — как же не плакать нам?

— Вот поэтому-то и смеюсь я радостно, — сказал раби Акива, — сказано: «И я взял себе верных свидетелей, Урию-священника и Захарию, сына Еварахиина». Что имеют общего Урия с Захарией? Ведь Урия жил во времена Первого храма, а Захарий во времена Второго храма. Но не даром приведено в связь пророчество Захарий с пророчеством Урии. У Урии сказано: «Посему из-за вас Сион распахан будет как поле, и Иерусалим сделается грудю развалин, и будет Гора Храмовая лесистым холмом». А у Захарий сказано: «Снова старцы и старицы будут сидеть на улицах в Иерусалиме, каждый с посохом в руке — от полноты дней». До тех пор, пока не исполнилось пророчество Урии, я опасался, что не исполнится пророчество

Захарии; ныне же, когда первое пророчество осуществилось, я верю, что и второе осуществится.

— Акива! — воскликнули все, — ты утешил нас! Акива, ты утешил нас!

Мак., 24.

ИУДЕЙСКАЯ ВОЙНА

Иосиф Флавий

[Из книги шестой]

8 лоуса оба легиона закончили сооружение валов, и Тит повелел поставить осадные орудия напротив Западного вала, примыкавшего к внешнему двору Храма. (Лоус — по сирийскому исчислению — соответствует еврейскому ава.) Уже в течение шести дней самый мощный таран непрерывно и безуспешно работал над разрушением стены, но крепкие, точно подогнанные друг к другу камни не поддавались разрушению. Римляне пытались разрушить основание Северных ворот, но и тут крепкие камни противостояли натиску. Римляне, утратив надежду достигнуть чего-либо с помощью техники, решились произвести прямую атаку и, подставив лестницы, начали взбираться на стены.

Евреи не спешили остановить их. Но едва только римляне оказались наверху, как евреи яростно напали на них. Евреи сбрасывали римлян со стен, кололи их мечами, причем римляне даже не успевали прикрыться щитами. Евреи столкнули вниз лестницы, густо усеянные людьми; впрочем, они также несли тяжелые потери. Римляне с боевыми знаками, отчаянно боролись за них, ибо потеря подобного знака является для римлян величайшим позором, но в конце концов евреи овладели знаками. Римляне пали духом и предпочли отступить. Иудеи же, прославившиеся в прежних битвах, вновь показали себя во всем блеске, как, например, Элизар, племянник Шимона. (Шимон бар Гиора — один из вождей zelotes, «ревнителей», самой радикальной политической группировки в Палестине в I в. н.э.) Тит, видя, что все его попытки пощадить чужеземный Храм, приносят гибель его солдатам, повелел подложить огонь к воротам Храма.

Между тем к Титу явились двое дезертиров: Анан из Эммауса, один из наиболее ярых приверженцев Шимона и Архелай, сын Магадата. Оба надеялись испросить у римлян пощады, ибо покинули лагерь евреев в благоприятный для них момент. Тит, осведомленный об их беспощадности к своим соотечественникам, склонен был рассматривать этот маневр как один из обычных хитроумных трюков. Тит испытывал сильное желание уничтожить обоих, заметив, что не свободный выбор, но необходимость понудила их дезертировать, и, что люди, виноватые в сожжении собственного города, затем решившие увильнуть, не заслуживают пощады. Но, однако, гнев не мог заставить Тита нарушить данное им слово, и он позволил обоим дезертирам удалиться, не даровав им, впрочем, обычных привилегий.

Между тем солдаты уже подложили огонь к воротам Храма. Плавившееся серебро открыло доступ огню к деревянным стропилам и пламя охватило колоннады. Евреи, увидев кольцо бушующего пламени, пали духом: их ужас был столь велик, что они даже пальцем не пошевелили, дабы остановить огонь. Беспомощно стояли они, глядя на пляшущие языки пламени. Но отчаяние, вызванное нынешним разрушением, не сделало их благоразумнее на будущее. Они набросились на римлян с такой яростью, словно само святилище было уже в объятиях пламени.

Огонь бушевал весь день и всю последующую ночь: колоннады медленно догорали.

На следующий день Тит повелел отрядам, предназначенным для тушения огня и уборки, приступить к борьбе с пожаром и постройке дороги, обеспечивающей легионам свободный проход вплоть до самих ворот Храма. Затеял он созвал военный совет. В совете участвовали шесть высших военачальников: Тиберий Александр, Секст Цереалий — от Пятого легиона, Ларций Лепид — от Десятого, Тит Фригии — от Пятнадцатого, Фронтон Атерий, командовавший двумя александрийскими легионами, и Марк Антоний Юлиан, прокуратор Иудеи. Были

приглашены также другие прокураторы и трибуны, и Тит предложил присутствующим высказать свое мнение по поводу судьбы Храма.

Некоторые настаивали на применении законов войны: мятежи не прекратятся, пока Храм будет существовать как очаг мятежей для евреев всего мира. Другие возражали им, утверждая, что Храм можно сохранить при условии, что евреи его покинут и вооруженным лицам будет воспрещен вход в Храм; в противном случае его следует сжечь, ибо Храм, использованный в военных целях — уже не Храм, но крепость, и в кощунстве будут виновны не римляне, но евреи, вынудившие римлян применить силу.

Тит заявил, однако, что даже и в случае использования евреями Храма в военных целях, он предпочитает карать людей, а не неодушевленные предметы. Римляне многое потеряют если погибнет столь неповторимое произведение искусства; но, напротив, в интересах самих же римлян сохранить Храм, это украшение в венце империи.

Фронтон, Александр и Цереалий выразили то же мнение. Затем Тит распустил совет. Он отдал приказ дать армии отдых перед решающей битвой и повелел «отрядам по тушению огня и уборке» проложить дорогу через руины и приступить к тушению пожара.

В тот день изможденные и объятые ужасом евреи утратили свою предприимчивость. Но на следующий день в восемь часов утра евреи, вновь обретя силы и самоуверенность, предприняли вылазку против гарнизона, охранявшего внешний двор Храма. Атакующие натолкнулись на упорное сопротивление римлян, которые, сдвинув щиты и образовав нечто вроде защитной стены, сомкнули ряды. Но римляне уже не в состоянии были долго продержаться, ибо атакующие превосходили их и числом и решимостью.

Цезарь, наблюдавший сражение с форта Антония, поспешил им на помощь во главе отряда конников. Сопротивление евреев было сломлено. Воины, сражавшиеся в первых рядах, погибли; остальные отступили. Но едва только римляне отошли, как евреи появились снова и атаковали римлян, затем снова были отброшены, и так продолжалось до одиннадцати часов утра, когда, подавленные численным превосходством римлян, евреи вновь отступили и были подвержены осаде во внутреннем дворе Храма.

Тит вернулся в форт Антония, готовясь предпринять решительную атаку на заре следующего дня и взять Храм... Но, однако, Господь уже обрек Храм огню. Судьба повернула колесо истории, и наступило роковое 10 луса, день, который некогда, много веков тому назад, был свидетелем сожжения Храма царем Вавилона. (*Форт Антония — замок на склоне Храмовой горы, выстроенный Маккавеями, а затем переименованный в честь знаменитого римского полководца и государственного деятеля, участника второго триумвирата Марка Антония.*) Но сами евреи были причиной и виновниками пожара. Ибо когда Тит отступил, повстанцы некоторое время пребывали в спокойствии, но затем снова атаковали римлян. Произошло столкновение между отрядом, охранявшим святилище и римскими отрядами, пытавшимися потушить пожар во внутреннем дворе Храма. Римляне отбили атаку и преследовали евреев вплоть до самого святилища.

И тут один из солдат, не ожидая приказа и по-видимому не отдающий себе отчета в ужасных последствиях своего поступка, но несомненно движимый некоей высшей силой, внезапно выхватил головешку из тлеющих развалин и, вскарабкавшись на спину другого солдата, швырнул ее через обрамленное золотом оконце в один из северных приделов Храма. Евреи, увидев поднявшиеся языки пламени, испустили душераздирающий крик и ринулись тушить огонь, не щадя ни сил, ни жизни, ибо то, что они столь преданно охраняли, исчезало на их глазах.

Гонец принес известие о пожаре Титу, отдыхавшему после боя в своей палатке. Тит выбежал из палатки как был и ринулся к Храму, чтобы пресечь бесчинства. Его военачальники устремились вслед за ним, а вслед за ними ринулись возбужденные, яростно вопящие легионеры. Цезарь кричал и размахивал руками, требуя от солдат потушить пожар. Но солдаты были ослеплены и оглушены яростью и не слышали его криков и не видели подаваемых знаков.

И легионы ринулись в Храм, и уже ни приказы, ни угрозы не могли предотвратить бесчинства: бешенство овладело армией. Сбитые в кучу в проходах, солдаты топтали друг друга, и победители погибали той же жалкою смертью, что и побежденные.

Приближаясь к святилищу, солдаты делали вид, будто не слышат приказов кесаря и подстрекали бегущих впереди швырять головешки. Повстанцы уже не могли ничему помочь: всюду были убийства и кровавые схватки. В большинстве жертвою пали мирные жители, слабые и безоружные. Изловив их, римляне безжалостно их убивали. Возле алтаря росла гора трупов и вдоль ступеней святилища текла река крови, и тела убитых наверху скользили по ступеням вниз. Солдаты были словно одержимые, и невозможно было их удержать, и никто уже не пытался бороться с огнем.

Когда кесарь увидел, что с разбушевавшимися солдатами не справиться, он прошел со своими военачальниками во внутренний зал и лицезрел Святая святых. Он осмотрел внутреннее убранство Храма, превосходящее по красоте все описания, воистину заслужившее свою славу.

Огонь еще не проник во внутренний зал, но пламя уже бушевало в прилегающих помещениях. Кесарь подумал, что еще возможно спасти изумительное здание. Покинув помещение, он принялся уговаривать солдат приступить к тушению огня. Он повелел Либералию, центуриону стрелков своего караула, бить дубинками каждого, кто осмелится не подчиниться приказу.

Но страх и уважение к кесарю были бессильны побороть бешенство, овладевшее солдатами, их ненависть к евреям, обуявшую их жажду боя. Большинство было к тому же объято жадной наживы, убежденное, увидев золотую отделку Храма, что храмовые подземелья ломаются от денег.

И уже кто-то предупредил их желание и, в то время как кесарь пытался удержать своих солдат, подложил огонь к металлической обшивке ворот. Языки пламени появились изнутри. Кесарь и его военачальники отступили, оставив Храм на милость армии. Так, вопреки желанию кесаря, Храм был предан огню.

Велика наша скорбь о разрушении Храма, изумительнейшего здания, которое когда-либо представало взору смертного, здания несравненного и по своей величине, и по красоте архитектуры, и по совершенству каждой детали, и славе своего Святая святых. Но все же мы можем найти великое утешение, признав неумолимость судьбы не только к живым существам, но также к произведениям искусства и к городам.

И мы только можем подивиться той точности, с которой судьба вращает колесо времени. Сожжение Храма произошло в тот же день и месяц, как некогда, столетия тому назад, — его разрушение вавилонянами. Со времени основания его царем Соломоном и до нынешнего разрушения, которое произошло во второй год Веспасианова правления прошло тысяча сто тридцать лет, семь месяцев и пятнадцать дней. *(Веспасиан, отец Тита — римский император, основатель династии Флавиев; правил в 69 79 гг. н.э.)* Со времени восстановления Храма Хаггаем во второй год царствования Кореша (Кира) и до его падения в годы правления Веспасиана прошло шестьсот тридцать девять лет, сорок пять дней. *(Хаггай — пророк, призывавший к восстановлению Храма, Кореш (Кир) — персидский царь, по Эдикту которого в 638 году до н.э. евреям было разрешено вернуться на Святую Землю).*

ДУМЫ О ДЕВЯТОМ ДНЕ МЕСЯЦА АВА

(День разрушения Храма)

Доктор М.Гликсон

В дни осады и разрушения Храма в его сторону были направлены все стрелы врага.

В этом отношении имеет глубокое символическое значение талмудический рассказ о стрелах римского императора Нерона, направленных во все четыре стороны: на восток, запад, север и юг, которые падали в одну сторону, в одно место, в Храм Иерусалима.

Имеется в Талмуде много других рассказов и легенд, символизирующих желание римлян уничтожить Храм. Все устремления римских военачальников во главе с их тираном-императором Титом были направлены именно на уничтожение и сожжение Храма Иудеев.

Не меняют ситуации рассказы некоторых римских историков о том, что советники императора Тита высказывались за сохранение этого грандиозного сооружения.

Не меняет ситуации также и то, что в рассказе Раба и приверженца Тита еврейского историка Иосифа Флавия говорится о желании римского императора сохранить прекрасный Иерусалимский Храм.

Мы знаем свидетельство летописца монаха Сульфициуса, основанное на показаниях современных императору Титу источников, в которых ясно говорится о твердом намерении Тита разрушить Храм с тем, чтобы вырвать с корнем веру иудеев в вечность их Храма.

Многочисленные рассказы и хроники тех лет доказывают, что Рим и их император Тит рассматривали разрушение святыни еврейского народа, его духовного бастиона, его веры и надежды как свою «историческую миссию».

И это злодеяние соответствовало духу Римской империи. Храм, назначение которого символизировать и воплощать дух народа, его Тору и веру в единого Бога, его религиозность и моральные чувства, был совершенно чужд и противен сознанию и миропониманию римлян.

Безусловно, что в основу Храма были положены в самом его начале гуманные устремления и идеи. Его строитель, царь Соломон, в своей молитве при открытии Храма вещал: «Храм этот будет святым для всех, и чужой, не из народа Израиля, придет к тебе». «Чтобы знали все народы мира Имя Господа, как и народ Израиля».

А пророк Исая, один из величайших пророков Израиля, прорицал: «И Храм мой будет домом для всех народов».

Но мысли и сердца римлян не были подготовлены для этой универсальной всемирной идеи, выпестованной еврейским народом. Слишком духовными, слишком возвышенными, слишком человечными были эти идеи.

Правда, Римская Империя временами относилась довольно терпимо к верованиям других народов. Покорители тогдашнего мира, римские сатрапы иногда поклонялись богам покоренных народов. Но проявление такой веротерпимости объяснялось прежде всего отсутствием веры вообще у римлян и безразличием к вопросам религии. Поэтому им была чужда настоящая вера, духовная возвышенность религиозных идей, основанных на принципах этики и морали.

Языческие преклонения, идолы — это было для них «естественно» и понятно, и к ним можно было относиться терпеливо и даже с уважением. Это были своеобразные храмы для идолов, статуй и изваяний. Но этот Иерусалимский Храм, в котором не было ни идола, ни статуи, а только какая-то отвлеченная, возвышенная идея, окутанная туманом неизвестного единого невидимого Бога — такой Храм был чужд римскому языческому миру с его преклонением перед грубой физической силой, материальной и овеществленной.

Отсюда все это неуважение к Иудейскому Храму, все надуманные римские побасенки о том, что в Иерусалимском Храме стояло грубое изваяние с главою осла. Отсюда все старания сильных мира сего, вроде императора Калигулы, ввести в Храм Божий идола, которому обязаны поклоняться иудеи, и быть посему!

Отсюда, с точки зрения римлян, и необходимость разрушить Храм вообще, разрушить духовную крепость этого странного непонятого им народа, отсюда эта ненависть к строптивому, своевольному народу.

«Иудея покоренная, Иудея плененная» — вот чем гордилась, вот чем хвасталась и вот в чем видела свою заслугу Римская империя Тита и так ее видят потом во все века притеснители еврейского народа — последователи римских легионов.

Повторяются те же жестокие законы, безжалостная тирания и насмешки по отношению к народу покоренному и изгнанному, ведущему неравную борьбу за право на существование.

Повторяется то же пренебрежение к духовному творчеству целого народа, презрение к его идеям и моральным ценностям. Одним словом, все те «особенные отношения», которые проявляла Римская империя во время разрушения Иерусалима, сопровождали затем, как тень, длинную дорогу еврейского народа в странах рассеяния. Он был окружен враждебным миром, гонимый из страны в страну.

Все свои героические усилия выстоять в борьбе и продолжать свои традиции в национальном духе своих предков, исключительная моральная выдержка, оберегавшая народ от атрофии и вырождения, и даже наступившая затем чудесная пора национального возрождения и пробуждение к новой жизни, к возвращению на свою историческую родину — все это не принималось во внимание и не возбуждало уважение к древнейшему народу — носителю всемирной исторической религии. Так же, как и римляне в свое время не оценили героическое сопротивление Иудеи и ее стойкость против многократно превосходивших сил римских легионов, покорителей мира, так и теперь мир этого не оценит.

Факел в руках римского легионера, поджигающего Храм в Иерусалиме, служил символом ненависти к еврейскому народу и к Иерусалиму как тогда, так и теперь.

Отсюда и то большое трагическое значение для нашего народа факта сожжения и разрушения Храма, которое оно имело для своего времени и на века грядущие.

«СИОНИДЫ»

Иегуда Галеви

* * *

Как славен был Вавилон, и властен был Фараон,

Но что была сила их пред тайною сил твоих?

Здесь Бог помазал царей, и Он избирал князей,
Пророков и пастырей, духовных светил твоих.
Столетия быстры, как день, и царства уходят в тень,
Лишь сила твоя — вовек, и вечны венцы твои.
Дух Божий в Сионе жив, и счастливы те мужи,
Кому возвратит Господь дворы и дворцы твои.
Блаженны, кто с верой ждет, что утро твое придет,
Разгонят ночную тьму златые лучи твои,
И полные сладости, несущие радости,
Забьют вечно юные, живые ключи твои!

Перевод А.Газова-Гинзберга

СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ

Иегуда Галеви

Я на Западе крайнем живу, — а сердце мое
на Востоке.
Тут мне лучшие яства горьки — там святой моей
веры истоки.
Как исполню здесь, в чуждом краю, все заветы,
обеты, зарок?
Я у мавров в плену, а Сион — его гнет Эдома
жестокий!
Я всю роскошь Испании брошу, если жребий
желанный, высокий
Мои очи сподобит узреть прах священных руин
на Востоке!

Перевод Л.Пеньковского

СВИТОК О ПЛАМЕНИ

Х. Н. Бялик

I

Всю ночь оно пылало, воздымая
ввысь над горою храма языки
огня. С высот опаленного неба
брызгали звезды ливнем искрометным
на земь. Или Господь Свой трон небесный

и Свой венец вдребезги раздробил?
Обрывки красных туч, перегруженных
кровью с огнем, скитались в просторах
ночи, неся по далеким горам
скорбную весть о гневe Бога мщених
и о Его ярости возглашая
скалам пустынь. Не Свою ли порфиру
разодрал Господь, и по ветрам
ключья развеял!
И великий ужас
был на дальних горах, и дрожь объяла
хмурые скалы пустынь: Бог отмщений
Превечный, Бог отмщений воссиял!
И вот Он, Бог отмщений, в дивной славе
Своей, покойный, грозный, восседит
на пылающем троне, в сердце моря
пламени, облачен в пурпур огня,
и угли раскаленные — подножье
стопам Его. Кругом в безумной скачке,
в бешеной пляске вьются языки.
Над головой Его шипит пожар
и со свистом засасывает, жадный,
пространства мира. Спокоен и грозен
сидит Он, мышцы Его скрещены,
и от взоров очей ширится пламя,
и выше воздымаются костры
от мания ресницы.
Пойте Богу
песнь пламени, о буйный хоровод
огневого радения!

II

Когда
засверкала заря на горных высях
и по долинам лег белесый пар,

тогда смирилося море пыланий,
и земля поглотила языки
от обожженной Божией святыни
на горе храма.

И ангелы свиты,
согласно чину священного хора,
собрались на заутреннюю песнь
и распахнули окна небосвода
и показали головы наружу
над горой храма: отперты ли входы
святыни, и клубится ли над нею
дым курений?

И видят: Цавоот,
Ветхий деньми, над грудями развалин
восседающий в сумерках зари,
в черный дым облачен, и прах и пепел
Его подножье. Голова поникла
на скрещенные мышцы, и над нею
скорбь нависла горою. Молчалив
и угрюм, озирает Он обломки
разгрома; гнев и ужас всех веков
и миров омрачил Его ресницы,
и во взоре великое застыло
безмолвие.

Гора еще дымится.

Кучи пепла и тлеющей золы,
дымные головни, скирды багровых
углей, нагроможденные, сверкают
словно россыпи камней самоцветных
в молчании зари.

Но Ариэль,

Огненный Лев, издревле возлежавший
днем и ночью на жертвеннике Бога, —
Ариэля не стало. Только прядь

его гривы, последняя сиротка,
мерцает, и дрожит, и умирает
на обгорелых обломках, в молчаньи
зари.

И поняли ангелы свиты,
что сделал им Господь. И содрогнулись,
и с ними все предутренние звезды
затрепетали; и ангелы лица
окутали крылами, чтоб не видеть
скорби Господней.

И гимны заре
сменилися безмолвной песнью горя,
беззвучно-внятной жалобой. И молча
отвернулись и плакали они,
каждый ангел один с своей душою,
и весь мир с ними плакал в тишине.

И некий вздох, беззвучный, но глубокий,
со дна земли поднялся и разнесся
и разбился в безмолвии рыданья.

То разбилось, разбилось сердце мира,
и невмочь стало Господу крепиться,
и очнулся Господь, и львиным ревом
возревел, и всплеснул руками в боли —
и поднялась Шехина с пепелища,
и сокрылась в загадочности Тайн...

III

А над горою храма, в вышине,
стыдливая, печальная, блистала
Серна Зари, с лазурного шатра
озирая развалины, и тихо
ресницы, серебристые ресницы
трепетали.

И юный ангел Божий,
светлокрылый, с печальными глазами,

обитавший в лучах Серны Зари
на страже Затаенных Слез-жемчужин
в чаше Безмолвной Скорби, — увидал
ту прядь огня из гривы Ариэля,
что мерцала, дрожала, умирала
среди обожженных каменных обломков на горе Храма.

И дрогнуло сердце
ангела, жалостно и больно стало
его душе, да и не умрет последний
уголек Божества, — и на земле
не останется пламени святого,
и дивный светоч Божьего народа
И Божиего дома догорит
навсегда.

И понесся, покидая
Серну Зари, с камильницей в руке,
и опустился на горе развалин,
и приступил трепетно к алтарю,
и выгреб из святого пепелища
Божье пламя; и крылья распростер,
и умчался. Одна только слезинка,
зашипев, утонула в жгучем пепле, —
и то была единственная капля,
что пролил ангел дотопе из чаши
Безмолвной Скорби, — слеза умиленья
и отрады о чуде, о спасенном
ущевшем Огне.

И ангел несся
меж легких тучек, и пламя святыни
в его деснице. Тесно, тесно к сердцу
прижимал он добычу и устами
ее касался. Радостно мигала
ему Серна Зари, и сердце билось
родником утешенья и надежды.

И унес он ее на голый остров,
и опустил на клык крутой скалы;
и поднял к небу печальные очи,
и шепнули уста беззвучно:

— Боже

милосердный, спасающий, вели,
да не угаснет последнее пламя
Твое вовеки!

И призрел на душу
светлокрылого ангела Господь,
и дал пламени жизнь; и поручил
его Серне Зари, и повелел:

— Бодрствуй, о дочь моя, над этой искрой,
да не погаснет, ибо как зеница
ока тебе она; стой и блюди,
что с нею будет.

И стала в лазури

Серна Зари над Божьим огоньком,
и с любовью безмолвной и далекой
и стыдливою негою мигала
ему с высот, и встречала поутру
сияющим приветом, и тянулась
к нему лучом утешенья и ласки.

А юный ангел с грустными глазами
отлетел и вернулся вновь на место
свое, на стражу Затаенных Слез
в чаше Безмолвной Скорби; только глубже
и печальней глаза его, чем были,
и на устах и на сердце ожоги,
которым не зажить; ибо коснулся
до сердца и до уст огонь святыни,
и нет им исцеленья.

захватил покоритель и увез
на кораблях в далекий плен по двести
от юношей и девушек Сиона.
Чистые дети чистых матерей,
молодые газели с гор Иуды, —
еще росами юности их кудри
окроплены, и блеск небес Сиона
в очах. Отец их — Олень Израиль,
и мать — вольная Серна Галилеи.
И мало то казалось врагу,
что поругал и осквернил навеки
свежую песнь их жизни; но задумал
истомить их тоской, и долгой смертью
от голода и жажды. Обнажил
и высадил на тот пустынный остров —
юношей здесь, на одном берегу,
девушек там, на берегу противном,
и покинул.

И думал нечестивый:
«Разрозню их — и муку их удвою.
Да блуждают на острове пустынном,
братья сестрам чужие, и не встретят
и не увидят вовеки друг друга,
и высохнет душа, завянет сердце
и свет очей потухнет. И когда
лишь один шаг останется меж ними
и протянутся руки их навстречу
рукам, — то вдруг исказятся их лица
и подкосятся колени, и рухнут,
и умрут смертью судорог и муки
на железной земле, под медным небом,
без утехи и радости».

Три дня
по острову пустынному блуждали

юноши без питания и воды,
без слов и стога. Вонжены их очи
в жаркий песок, и голова поникла
под раскаленным солнцем. Острия
пылающих утесов осыпают их
стрелами огня, и скорпионы
в раселинах, колючие, смеются
их тяжелой скорби.

И вещей мед закатных чар...
И Заводь тихая, во сне
Свою загадку пела мне
На том же языке живом...
И в непробудный водоем
Глядел я подолгу, — и вот,
Передо мной — не заводь вод,
А глаз лазоревый... Открыт,
Он в небо небом недр глядит,
Не изреченных полон дум,
Как леса непробудный шум...

Перевод В. Жаботинского

РАЗОРЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА ТИТОМ

Д.Г. Байрон

С холма, где путники прощаются с Сионом,
Я видел край родной в его последний час:
Пылал он, отданный свирепым легионам,
И зарево его охватывало нас.
И я искал наш Храм, искал свой бедный дом,
Но видел лишь огня клокочущее море...
Я на руки свои в отчаянье немом,
Взглянул: они в цепях, — и мщенья нет! О, горе!
Ах! С этого холма, бывало, я глядел
На город в этот час: уж мрак над ним клубился,
И только Храм еще в лучах зари горел,
И розовый туман на высях гор светился.

И вот я там же был и в тот последний час;
Но не манил меня заката блеск пурпурный.
Я ждал, чтоб Господь во гневе ополчась
Ударил молнией и вихрь послал свой бурный...
Но нет... в твой Храм святой, где Ты, Господь, царил,
Не сядут, не войдут языческие боги!
Твой зримый Храм упал, но в сердце сохранил
Навеки твой народ, Господь, Тебе чертоги!

Перевел А. Майков

О, ПЛАЧЬТЕ

О, плачьте о тех, что у рек Вавилонских рыдали,
Чей Храм опустел, чья отчизна — лишь греза в печали;
О, плачьте о том, что Иудова арфа разбилась,
В обители Бога безбожных орда поселилась!
Где ноги, покрытые кровью, Израиль омоет?
Когда его снова сионская песнь успокоит?
Когда его сердце, изнывшее в казни и муках,
Опять возликует при этих божественных звуках?
О, племя скитальцев, народ с удрученной душою!
Когда ты уйдешь из позорной неволи к покою?
У горлиц есть гнезда, лисицу нора приютила,
У всех есть отчизна, тебе же приют лишь могила...

Перевел Д. Михайловский

СКОРБЬ И ПОСТ У ЕВРЕЕВ

Проф. Давид Флюссер

Известно, что наши мудрецы были против бытующего преувеличения в выражении скорби, отличавшейся некоторой театральностью еще в средние века. Они считали, что нельзя не выражать печали, но и чересчур печалиться не следует. Душа сплетена из радости и печали. Наши мудрецы определяли выполнение законов о скорби. Они подходили к этой идее закона с большой педантичностью. Почему? Скорбь — естественное как будто явление. Она натуральна. А взрывы человеческих чувств стали объектом религиозного чуда. Нет ли в этом подходе отсутствия чувствительности? Нет, как раз наоборот! Пост и скорбь стали умеренными, стали выражением религиозности еврейства. Тот, кто имеет опыт в постах и скорби по указанию Торы, поймет, что в этих законах заложена глубокая мудрость. Человек, соблюдающий эти законы, с одной стороны, дает выход своим чувствам, а с другой стороны, его чувства будто организованны, собраны и не являются бессознательным инстинктом, не являются только внешним явлением.

Постящийся и скорбящий человек уменьшает немного свою боль и все его чувства обращены к небесам. Какое величие в благословении о справедливом суде [которое произносят в память умершего близкого человека]! В этих словах есть и выход, и потрясение, и признание Высшего Господства в самую для человека тяжелую минуту. Это благословение будто открывает произносящему его новый путь к жизни без легкомыслия, открывает то, что составляет, может быть, глубочайшую тайну бытия.

Мы говорим здесь о посте и скорби, основа которых заложена в отклонении на пороге магически-чувственного подхода и в обращении к Всевышнему и к лучшим, возвышенным сторонам своего существа. Но иудаизм не исчерпывает содержание поста только этим. У нас пост связан с раскаянием, а раскаяние — одна из главных ценностей иудаизма.

Пост, если можно так сказать, является вспомогательным психологическим средством раскаяния. Евреи верят, что если народ вернется к Всевышнему, он будет достоин милосердия и всепрощения. Но плата за благое дело — само дело. Выходит, что пост является как бы простым средством очищения человека от греха. Пост отделяет человека от обыденности, будничности, от грубой материальной стороны жизни и обращает его, если пост сопровождается истинно сильными чувствами, к Все вышнему. Кто удостоился поститься сосредоточенно, особенно в Йом-Кипур, тот заново рождается. Пост помогает творить нового человека, отрешившегося от суеты, заслоняющей вечное, непреходящее, человека духовного здоровья, духовной чистоты, готового к постоянному совершенствованию, к преодолению и изменению инстинктов.

В решающие для народа часы, евреи очищались раскаянием и постом. Поэтому так часто постились в эпоху Второго Храма, когда у нас возродилась нация, полная желанием жить в любви и преданности ко Всевышнему.

Сегодня пост — одно из богатств нации, жизненную важность которого явно недооценивают не только светские, но и религиозные круги. Сегодня любят торжества, знамена, народные собрания, выборы, чтение газет, массовые зрелища и тому подобное, и, не чувствуя, что все это не имеет значения само по себе, видят в этом цель своей жизни. Нельзя, конечно, в рамках нашей общественной жизни отрицать важность этих церемоний. Можно понять, что пост светскому человеку, если рассмотреть его приземленность относительно с высотой человеческого образа и призвания, кажется и с психологической стороны несурезицей, а в особенности, если он не испытал его. Поэтому желательно по высшему образу, который мы в себе несем и по призванию, чтобы мы приняли на себя учение наших предков во всей полноте его бремени. И тот факт, что сегодня это труднее, чем это было в прошлом, должно бы быть существенным признаком того, что необходимо возвращаться к Всевышнему через трудности и поститься со спокойным сердцем и с большой готовностью. О том, что ждет нас, если мы пойдем этим путем, известно из Торы, Пророков, Писания и слов наших мудрецов всех поколений.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СТЕНЫ

Ури Орен

Утро в среду 7-го июня 1967 года. Мы все время следим за ходом боя, пользуясь средствами связи. Все происходило поистине необыкновенным образом. Внезапно прорезался знакомый голос Моти Гура: «Всем командирам парашютистов. Мы поднимаемся в Старый Город, мы поднимаемся на Храмовую гору к Западной Стене. Еврейский народ уповает на нашу победу. Израиль ждет этого исторического часа. Поднимайтесь же и восторжествуйте!»

Каждый ощутил в душе благоговение и трепет. На этих словах командира бригады сосредоточился весь благоговейный трепет — освобождения Иерусалима. Внезапно весь чарующий смысл этих слов стал мне особенно ясен. Впервые после начала битвы я понял весь смысл той душевной силы, которая делает историю.

Самолеты продолжали атаковать позиции Легиона.

По улице на пути к Старому Городу пронеслись танки. Мы стояли, наблюдая как они проносятся с грохотом, подминая мягкий асфальт своими гусеницами.

Мы стали также двигаться, сначала медленно, а затем, набирая скорость, все быстрее. По шоссе проехали машины скорой помощи, пронзительно гудя, и мы поняли, что те, кто идут впереди, несут потери.

Мы достигли Львиных ворот. Они уже были пробиты. Моти Гура на командном бронетанке ворвался первым, за ним следовали другие командные машины, а за ними колонна бойцов. У Львиных ворот горели частные автомашины и автобус. Огонь слегка ожег наши щеки, но это уже не ощущалось в волнуемом возбуждении, охватившем всех нас. Солнце стояло высоко. Храмовая гора стояла перед нами во всей ее необычности. Средства связи передали взволнованный голос Моти Гура, который выразил чувства, охватившие нас всех: «Храмовая гора в моих руках. Я повторяю — Храмовая гора в моих руках».

Бой еще не кончился. Легион напомнил о себе новой очередью снайперских снарядов и залпом. Но он уже не в состоянии был остановить раввина Горена и его людей, устремившихся к Западной Стене. Замуш, командир религиозной бригады, в руки которого женщина Иерусалима передала знамя, спешил водрузить его над Западной Стеной. Слышны были еще выстрелы, но солдаты вместе с раввином громко запели «Золотой

Иерусалим», ставший как бы победным гимном. Раввин Горен, взволнованный до слез, крепко держал в руках свиток Торы. Он громко и протяжно протрубил в рог и звуки эти проникали в самое сердце.

Парашютисты, скрывая свое волнение при виде гибели товарищей, теперь уже не смогли удерживать слез. Склонившись над Стеной, они плакали.

ПЛАЧ ИЕРЕМИИ (ЭЙХА)

Предисловие к переводу ("[Маханаим](#)")

Данный перевод выполнен по комментарию "Даат Микра" (изд. Мосад га-Рав Кук). Следует отметить, что в оригинале книгу отличает регулярность построения. Главы 1, 2, 4 содержат по двадцать два стиха, расположенных в алфавитном порядке (с одной перестановкой), глава 3 - шестьдесят шесть стихов, причем по три стиха подряд начинаются с одной и той же буквы и тройки расположены в алфавитном порядке. Такое построение книги позволяет идентифицировать ее с сожженным свитком, описанным в Книге Иеремии. Там повествуется, что Бог велел Иеремии написать свиток (*мегила*) "обо всем том зле, которое Я замышляю сделать им" (Иер. 26:2), чтобы подвигнуть народ к раскаянию. Но царь Иегояким разрезал свиток на части и сжег. Тогда Иеремия продиктовал "все слова той записи, что сжег на огне Иеһояким...; и еще прибавлено было к ним много слов, подобных тем" (Иер. 36:32). Можно предположить, что исходный вариант содержал три главы (три алфавита), а восстановленный пополнился еще тремя алфавитами (Раши). Алфавитное построение встречается также в Псалмах, Притчах и очень распространено в литургии. Возможно, данный прием является просто декоративным или даже мнемоническим (Даат Микра). Мидраш приводит следующее объяснение для столь широкого употребления этого приема в Эйха (почти вся книга): "Почему наказание евреев описано пророком в алфавитном порядке? Потому что они нарушили всю Тору от *Алефа* до *Тава*" (Мидраш Эйха Раба).

Ознакомиться с комментариями к "Книге Иеремии" можно на сайте ["Маханаим"](#).

1. О, КАК ОДИНОКО СИДИТ СТОЛИЦА [НЕКОГДА] МНОГОЛЮДНАЯ, СТАЛА, КАК ВДОВА; ВЕЛИКАЯ СРЕДИ НАРОДОВ, ВЕЛЬМОЖНАЯ СРЕДИ СТРАН - СТАЛА ДАМНИЦЕЙ. 2. ПЛАЧЕТ, ПЛАЧЕТ В НОЧИ, И СЛЕЗА - НА ЩЕКЕ ЕЕ; НЕТ ЕЙ УТЕШИТЕЛЯ СРЕДИ ВСЕХ ВОЗЛЮБЛЕННЫХ ЕЕ; ВСЕ ДРУЗЬЯ ПРЕДАЛИ ЕЕ, СТАЛИ ЕЙ ВРАГАМИ. 3. УШЛА В ИЗГНАНИЕ ИУДЕЯ ОТ БЕДНОСТИ И ТЯЖКОГО РАБСТВА; СИДИТ ОНА СРЕДИ НАРОДОВ, НЕ НАШЛА ПОКОЯ; В ТЕСНИНАХ НАСТИГЛИ ЕЕ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ. 4. ДОРОГИ ЦИОН В ТРАУРЕ: НЕТ ИДУЩИХ НА ПРАЗДНИК; ВСЕ ЕЕ ВОРОТА ОПУСТОШЕНЫ, СВЯЩЕННИКИ ЕЕ ВЗДЫХАЮТ, ДЕВЫ ЕЕ ПЕЧАЛЬНЫ, И САМОЙ ЕЙ ГОРЬКО. 5. СТАЛИ ЕЕ ВРАГИ ВО ГЛАВЕ, НЕПРИЯТЕЛИ БЛАГОДЕНСТВУЮТ, ИБО ГОСПОДЬ ОБРЕК ЕЕ НА СКОРЬБЬ ЗА МНОГИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ; МАЛЕНЬКИЕ ДЕТИ ЕЕ ПОШЛИ В ПЛЕН ВПЕРЕДИ ВРАГА. 6. УШЛО ОТ ДОЧЕРИ ЦИОН ВСЕ ЕЕ ВЕЛИКОЛЕПИЕ; СТАЛИ ВЕЛЬМОЖИ ЕЕ КАК ОЛЕНИ, НЕ НАШЕДШИЕ ПАСТБИЩА, И ПОШЛИ БЕЗ СИЛ ВПЕРЕДИ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЯ. 7. ВСПОМНИЛА ИЕРУШАЛАИМ В ДНИ БЕДНОСТИ И СКИТАНИЙ ВСЕ ДОРОГОЕ ЕЙ, ЧТО БЫЛО В ПРЕЖНИЕ ДНИ; КОГДА ЕЕ НАРОД ПОПАЛ В РУКИ ВРАГА И НЕТ ПОМОЩНИКА ЕЙ; СМОТРЕЛИ ВРАГИ НА НЕЕ, СМЕЯЛИСЬ НАД ЕЕ РАЗОРЕНИЕМ. 8. МНОГО ГРЕШИЛА ИЕРУШАЛАИМ, ПОЭТОМУ СДЕЛАЛАСЬ ПОСМЕШИЩЕМ; ВСЕ, КТО ПОЧИТАЛ ЕЕ, ПРЕЗИРАЮТ ЕЕ, ИБО ВИДЕЛИ ПОЗОР ЕЕ; И ОНА ВЗДЫХАЕТ И ПОВОРАЧИВАЕТ НАЗАД. 9. НЕЧИСТОТА НА ПОЛАХ [ОДЕЖДЫ] ЕЕ, НЕ ДУМАЛА О ПОСЛЕДСТВИЯХ И НЕОБЫЧАЙНО ОПУСТИЛАСЬ, НЕТ УТЕШИТЕЛЯ ЕЙ; "ВЗГЛЯНИ, ГОСПОДИ, НА МОЕ НЕСЧАСТЬЕ, ИБО ВОЗВЕЛИЧИЛСЯ ВРАГ". 10. ПРОСТЕР ВРАГ РУКУ СВОЮ НА ВСЕ ЕЕ СОКРОВИЩА; ТАК УВИДАЛА ОНА, ЧТО ВХОДЯТ В ЕЕ СВЯТИЛИЩЕ НАРОДЫ, О КОТОРЫХ ЗАПОВЕДАЛ ТЫ, ЧТОБЫ НЕ ВХОДИЛИ В ТВОЕ СОБРАНИЕ. 11. ВЕСЬ ЕЕ НАРОД ВЗДЫХАЕТ, ИЩА ХЛЕБА, ПРЕДЛАГАЛИ ДРАГОЦЕННОСТИ ЗА ХЛЕБ, ЧТОБЫ УДЕРЖАТЬ ДУШУ; "ВЗГЛЯНИ, ГОСПОДИ, И ПОСМОТРИ, КАК СТАЛА Я АЛЧНА К ЕДЕ!" 12. О, ДА НЕ БУДЕТ ЭТОГО С ВАМИ, ИДУЩИЕ ПО ДОРОГЕ! ПОСМОТРИТЕ И УВИДИТЕ, РАЗВЕ ЕСТЬ БОЛЬ, КАК МОЯ, КОТОРУЮ ОН СДЕЛАЛ МНЕ; КАК ГОРЕ, КОТОРОЕ ПРИВЕЛ ГОСПОДЬ В ДЕНЬ ВОСПЛАМЕНЕНИЯ ЕГО ГНЕВА! 13. С ВЫСИ ПОСЛАЛ ОГОНЬ НА КОСТИ МОИ, И ОН ОХВАТИЛ ИХ; РАСПРОСТЕР СЕТЬ ПРОТИВ НОГ МОИХ, ОБРАТИЛ МЕНЯ ВСПЯТЬ, СДЕЛАЛ МЕНЯ ОДИНОКОЙ, ВЕСЬ ДЕНЬ СТРАДАЮ Я. 14. ГОТОВО В ЕГО РУКЕ ЯРМО ИЗ ГРЕХОВ МОИХ, СПЛЕЛИСЬ ОНИ, ПОДНЯЛИСЬ МНЕ НА ШЕЮ, ОСЛАБИЛИ МОЮ СИЛУ; ОТДАЛ МЕНЯ В РУКИ, ИЗ КОТОРЫХ МНЕ НЕ ПОДНЯТЬСЯ. 15. СТОПТАЛ ВСЕХ ВИТЯЗЕЙ В МОЕЙ СРЕДЕ, НАЗНАЧИЛ СРОК КРУШИТЬ МОИХ ЮНОШЕЙ, РАЗДАВИЛ, КАК В ТОЧИЛЕ, ДОЧЬ ИЕҺУДЫ. 16. ПО НИМ Я ПЛАЧУ, ГЛАЗ МОЙ, ГЛАЗ МОЙ ИЗЛИВАЕТ ВОДУ, ПОТОМУ ЧТО ДАЛЕК ОТ МЕНЯ УТЕШИТЕЛЬ, КОТОРЫЙ ВОЗВРАТИЛ БЫ МОЮ ДУШУ; МОИ СЫНОВЬЯ РЫДАЮТ ПООДИНОЧКЕ, ИБО ПОБЕДИЛ ВРАГ. 17. ПРОСТИРАЕТ СВОИ РУКИ ЦИОН - НЕТ УТЕШИТЕЛЯ ЕЙ, ПРИКАЗАЛ ГОСПОДЬ ВРАГАМ БЫТЬ ВОКРУГ ЯКОВА, СТАЛА ЦИОН НЕЧИСТОЙ МЕЖДУ НИМИ. 18. ПРАВЕДЕН ГОСПОДЬ, ИБО Я ПЕРЕЧИЛА УСТАМ ЕГО; УСЛЫШЬТЕ ВСЕ НАРОДЫ, И ГЛЯДИТЕ НА МОИ БОЛЕЗНИ, МОИ ДЕВЫ И ЮНОШИ ПОШЛИ В ПЛЕН. 19. ПОЗВАЛА Я СВОИХ ПОЛЮБОВНИКОВ - ОНИ ОБМАНУЛИ МЕНЯ, МОИ СВЯЩЕННИКИ И СТАРЕЙШИНЫ СКОНЧАЛИСЬ В ГОРОДЕ, ИСКАЛИ ОНИ ХЛЕБА, ЧТОБЫ УДЕРЖАТЬ ДУШУ. 20. ВОЗЗРИ, ГОСПОДИ, ИБО ТЯЖКО МНЕ,

МОИ ВНУТРЕННОСТИ ЗАПЕКЛИСЬ, СЕРДЦЕ В ГРУДИ ПЕРЕВЕРНУЛОСЬ, ИБО ОЧЕНЬ ГОРЬКО МНЕ СТАЛО; СНАРУЖИ МЕЧ ЛИШАЛ МЕНЯ ДЕТЕЙ, А ВНУТРИ - БУДТО СМЕРТЬ. 21. УСЛЫХАЛИ, ЧТО Я ВЗДЫХАЮ, НЕТ МНЕ УТЕШИТЕЛЯ, ВСЕ МОИ ВРАГИ УСЛЫХАЛИ О ГОРЕ МОЕМ, ОБРАДОВАЛИСЬ ТОМУ, ЧТО СДЕЛАЛ ТЫ; ПРИВЕДИ, ПРИЗОВИ ДЕНЬ, И ДА БУДУТ ОНИ, КАК Я! 22. ДА ПРОЙДЕТ ПЕРЕД ТОБОЮ ВСЕ ЗЛО ИХ, И СДЕЛАЙ ИМ, КАК СДЕЛАЛ МНЕ, ИБО ВЕЛИКИ ВЗДОХИ МОИ И СЕРДЦЕ БОЛИТ.

2. 1. КАК ОМРАЧИЛ В СВОЕМ ГНЕВЕ ГОСПОДЬ ДОЧЬ ЦИОН, БРОСИЛ С НЕБЕС НА ЗЕМЛЮ КРАСУ ИЗРАИЛЯ; И НЕ ВСПОМНИЛ О ПОДНОЖИИ СВОЕМ В ДЕНЬ ГНЕВА СВОЕГО. 2. ПОГЛОТИЛ ГОСПОДЬ, НЕ ПОЖАЛЕЛ ВСЕ ЖИЛИЩА ЯАКОВА, РАЗРУШИЛ В ГНЕВЕ СВОЕМ КРЕПОСТИ ДОЧЕРИ ИЕЪУДИНОЙ, НИСПРОВЕРГ ИХ ДО ЗЕМЛИ; ОБЕССЛАВИЛ ЕЕ ЦАРСТВО И ВЕЛЬМОЖ. 3. СРУБИЛ В ПЫЛУ ГНЕВА ВЕСЬ РОГ ИЗРАИЛЕВ, УБРАЛ ДЕСНИЦУ СВОЮ ПЕРЕД ВРАГОМ; И РАЗГОРЕЛСЯ В ЯАКОВЕ, КАК ОГОНЬ ПЫЛАЮЩИЙ, ПОЖИРАЮЩИЙ ВСЕ ВОКРУГ. 4. НАТЯНУЛ ЛУК СВОЙ, КАК ВРАГ, НАПРАВИЛ ДЕСНИЦУ СВОЮ, КАК НЕПРИЯТЕЛЬ, И УБИЛ ВСЕ ЛАСКАЮЩЕЕ ГЛАЗ; НА ШАТЕР ДОЧЕРИ ЦИОН ИЗЛИЛ, КАК ОГОНЬ, ГНЕВ СВОЙ. 5. СТАЛ ГОСПОДЬ КАК ВРАГ, ПОГЛОТИЛ ИЗРАИЛЬ, ПОГЛОТИЛ ВСЕ ДВОРЦЫ ЕГО, РАЗРУШИЛ КРЕПОСТИ ЕГО; ПРИУМНОЖИЛ СКОРБЬ И СТОН ДОЧЕРИ ИЕЪУДИНОЙ. 6. ПОРУБИЛ СВОЮ КУЩУ, КАК САД, РАЗРУШИЛ МЕСТО ДЛЯ СВОИХ ЯВЛЕНИЙ; ПРИВЕЛ К ЗАБВЕНИЮ В ЦИОНЕ ПРАЗДНИКИ И СУББОТЫ, ОПОЗОРИЛ В ЯРОСТИ СВОЕГО ГНЕВА ЦАРЯ И СВЯЩЕННИКА. 7. ОТВЕРГ ГОСПОДЬ СВОЙ ЖЕРТВЕННИК, ОТРИНУЛ СВОЕ СВЯТИЛИЩЕ, ПРЕДАЛ В РУКИ ВРАГА СТЕНЫ ЕЕ ДВОРЦОВ; ОН ПОДНЯЛ КРИК В ДОМЕ ГОСПОДНЕМ, КАК В ДЕНЬ ПРАЗДНИКА. 8. ЗАДУМАЛ ГОСПОДЬ РАЗРУШИТЬ СТЕНУ ДОЧЕРИ ЦИОН, ПРОТЯНУЛ НИТЬ, НЕ ОТСТРАНИЛ РУКИ СВОЕЙ ОТ РАЗРУШЕНИЯ; ПРИВЕЛ ТРАУР НА КРЕПОСТНУЮ СТЕНУ И ВАЛ, СКОРБЯТ ОНИ ВМЕСТЕ. 9. ПОГРУЗИЛИСЬ В ЗЕМЛЮ ЕЕ ВРАТА; УНИЧТОЖИЛ И РАЗБИЛ ЕЕ ЗАСОВЫ; ЕЕ ЦАРЬ И ВЕЛЬМОЖИ СРЕДИ НАРОДОВ БЕЗ ТОРЫ, И ПРОРОКИ ЕЕ НЕ ОБРЕТАЮТ ВИДЕНИЙ ОТ ГОСПОДА. 10. СЕЛИ НА ЗЕМЛЮ, ПОГРУЗИЛИСЬ В МОЛЧАНИЕ СТАРЕЙШИНЫ ДОЧЕРИ ЦИОН, ПРАХОМ ПОСЫПАЛИ СВОИ ГОЛОВЫ, ПРЕПОЯСАЛИСЬ ВРЕТИЩЕМ; ОПУСТИЛИ ГОЛОВЫ СВОИ К ЗЕМЛЕ ДЕВЫ ИЕРУШАЛАИМ. 11. МОИ ГЛАЗА ИССЯКАЮТ ОТ СЛЕЗ, МОИ ВНУТРЕННОСТИ ЗАПЕКЛИСЬ, ИЗЛИВАЕТСЯ ПЕЧЕНЬ НА ЗЕМЛЮ ИЗ-ЗА БЕДСТВИЯ ДОЧЕРИ НАРОДА МОЕГО, КОГДА ЛИШАЮТСЯ ЧУВСТВ ДЕТИ И МЛАДЕНЦЫ НА УЛИЦАХ ГОРОДА. 12. МАТЕРЯМ СВОИМ ГОВОРЯТ: "ГДЕ ХЛЕБ И ВИНО?", ЛЕЖА, КАК ТРУПЫ, БЕЗ ЧУВСТВ НА УЛИЦАХ ГОРОДА, ИСПУСКАЯ ДУХ НА ГРУДИ МАТЕРЕЙ СВОИХ. 13. КАКОЕ ПРИВЕДУ ТЕБЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО И ЧЕМУ УПОДОБЛЮ ТЕБЯ, ДОЧЬ ИЕРУШАЛАИМ? С ЧЕМ ТЕБЯ СРАВНЮ, ЧТОБЫ УТЕШИТЬ ТЕБЯ, ДЕВА, ДОЧЬ ЦИОН? ИБО, КАК МОРЕ, ВЕЛИКО РАЗРУШЕНИЕ ТВОЕ. КТО ИСЦЕЛИТ ТЕБЯ? 14. ТВОИ ПРОРОКИ ПРОВИДЕЛИ ДЛЯ ТЕБЯ ЛОЖЬ И БЕССМЫСЛИЦУ, НЕ РАСКРЫВАЛИ ТВОЙ ГРЕХ, ЧТОБЫ ИСПРАВИТЬ КРИВДУ ТВОЮ, И ПРОРОЧЕСТВОВАЛИ ТЕБЕ ВИДЕНИЯ ПУСТЫЕ И СОВРАЩАЮЩИЕ. 15. ВСПЛЕСКИВАЮТ РУКАМИ ИЗ-ЗА ТЕБЯ ВСЕ ПУТНИКИ НА ДОРОГЕ, ПРИСВИСТЫВАЮТ И КАЧАЮТ ГОЛОВАМИ ПО ПОВОДУ ДОЧЕРИ ИЕРУШАЛАИМ: "ЭТО ЛИ ГОРОД, О КОТОРОМ ГОВОРИЛИ, - СОВЕРШЕНСТВО КРАСЫ, РАДОСТЬ ВСЕЙ ЗЕМЛИ?" 16. РАЗВЕРЗЛИ ПАСТЬ СВОЮ ВСЕ ТВОИ ВРАГИ, СВИСТЯТ И СКРЕЖЕЩУТ ЗУБАМИ, ГОВОРЯТ: "ПРОГЛОТИЛИ! О, ЭТОТ ДЕНЬ, НА КОТОРЫЙ МЫ НАДЕЯЛИСЬ, ДОСТИГЛИ, УВИДЕЛИ!" 17. СДЕЛАЛ ГОСПОДЬ ТО, ЧТО ЗАДУМАЛ, ВЫПОЛНИЛ ИЗРЕЧЕННОЕ, КОТОРОЕ ПОСТАНОВИЛ В ДРЕВНОСТИ, РАЗРУШИЛ И НЕ ПОЖАЛЕЛ; ДАЛ ВОСТОРЖЕСТВОВАТЬ НАД ТОБОЙ ВРАГУ, ВОЗНЕС РОГ НЕПРИЯТЕЛЯ. 18. ВОПИЯЛО СЕРДЦЕ ИХ К ГОСПОДУ; СТЕНА ДОЧЕРИ ЦИОН, ЛЕЙ СЛЕЗЫ, КАК ПОТОК, ДЕНЬ И НОЧЬ, НЕ ДАВАЙ ПЕРЕДЫШКИ СЕБЕ, НЕ ДАВАЙ ОТДЫХА ЗЕНИЦЕ ОКА ТВОЕГО. 19. ВСТАВАЙ, ПОДЫМАЙ ГЛАС НОЧЬЮ, ПРИ СМЕНЕ СТРАЖ, ИЗЛИВАЙ ТВОЕ СЕРДЦЕ, КАК ВОДУ, ПРЕД ЛИЦОМ ГОСПОДА; ВЗДЫМАЙ К НЕМУ ЛАДОНИ [В МОЛЬБЕ] О ДУШЕ ДЕТЕЙ ТВОИХ, КОТОРЫЕ ОТ ГОЛОДА БЕЗ ЧУВСТВ НА ВСЕХ ПЛОЩАДЯХ. 20. ВЗГЛЯНИ, ГОСПОДИ, И УЗРИ, КОМУ ТЫ ТАК СДЕЛАЛ? ЧТОБЫ ЕЛИ ЖЕНЩИНЫ ПЛОД СВОЙ, ДЕТЕЙ, ВЗЛЕЛЕЯННЫХ ИМИ?! ЧТОБЫ БЫЛ УБИТ В СВЯТИЛИЩЕ ГОСПОДНЕМ СВЯЩЕННИК И ПРОРОК?! 21. ПОЛЕГЛИ НА ЗЕМЛЕ УЛИЦ ОТРОК И СТАРЕЦ, МОИ ДЕВЫ И ЮНОШИ ПАЛИ ОТ МЕЧА; ТЫ УБИЛ ИХ В ДЕНЬ СВОЕГО ГНЕВА, ПРЕДАЛ ЗАКЛАНИЮ И НЕ ПОЩАДИЛ. 22. СОЗВАЛ ЖИВУЩИХ ОКРЕСТ, КАК НА ПРАЗДНИК, И НЕ БЫЛО В ДЕНЬ ГНЕВА ГОСПОДНЯ НИ УЦЕЛЕВШЕГО, НИ СПАСШЕГОСЯ; ТЕХ, КОТОРЫХ Я ЛЕЛЕЯЛА И ВЗРАЩИВАЛА, - ИХ ИСТРЕБИЛ ВРАГ.

3. 1 Я - МУЖ, ВИДЕВШИЙ МУКИ ОТ ЖЕЗЛА ГНЕВА ЕГО. 2. МЕНЯ ПОВЕЛ ОН И УГНАЛ ВО ТЬМУ, А НЕ ВО СВЕТ. 3. ТОЛЬКО НА МЕНЯ ОБРАЩАЕТ ОН РУКУ СВОЮ КАЖДЫЙ ДЕНЬ. 5. ВОЗДВИГ ПРОТИВ МЕНЯ НАСЫПЬ И ОКРУЖИЛ ГОРЕЧЬЮ И БЕДОЙ. 6. ВО ТЬМУ КРОМЕШНУЮ ПОСАДИЛ МЕНЯ, КАК УМЕРШИХ НАВЕК. 7. ПОСТАВИЛ МНЕ ОГРАДУ, ЧТОБЫ Я НЕ ВЫШЕЛ, УТЯЖЕЛИЛ МОИ КАНДАЛЫ. 8. И КОГДА КРИЧУ Я И ВЗЫВАЮ, ЗАПИРАЕТ ОН МОЮ МОЛИТВУ. 9. ПЕРЕРЕЗАЛ МНЕ ДОРОГУ ТЕСАНЫМИ КАМНЯМИ, ИСКРИВИЛ МОИ ТРОПЫ. 10. КАК МЕДВЕДЬ, ПОДСТЕРЕГАЕТ МЕНЯ, КАК ЛЕВ В ЗАСАДЕ. 11. ПОКРЫЛ КОЛЮЧКАМИ МОИ ПУТИ И РАЗРЫВАЕТ МЕНЯ, СДЕЛАЛ МЕНЯ ОДИНОКИМ. 12. НАТЯНУЛ ЛУК И ПОСТАВИЛ МЕНЯ, КАК МИШЕНЬ ДЛЯ СТРЕЛ. 13. ВЫНУЛ ИЗ КОЛЧАНА И ПУСТИЛ ИХ В МОИ ПОЧКИ. 14. ПОСМЕШИЩЕМ СТАЛ Я ВСЕМУ НАРОДУ, ПРИБАУТКОЙ

НА ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ. 15. НАСЫТИЛ МЕНЯ ГОРЕЧЬЮ, УТОЛИЛ МНЕ ЖАЖДУ ПОЛЫНЬЮ. 16. ПОЛОМАЛ МНЕ ЗУБЫ ЩЕБНЕМ, ЗАСЫПАЛ ПЕПЛОМ. 17. ДАЛЕКА ДУША МОЯ ОТ МИРА, ЗАБЫЛ Я О БЛАГЕ. 18. И ПОДУМАЛ Я: ПРОПАЛА ЖИЗНЬ МОЯ И НАДЕЖДА НА ГОСПОДА. 19. ВСПОМНИ ПРИТЕСНЕНИЕ И ГОРЕ, ПОЛЫНЬ И ГОРЕЧЬ! 20. ВСПОМНИ, ПОТОМУ ЧТО УНИЖЕНА ДУША МОЯ. 21. ЭТО ОТВЕЧАЮ Я СЕРДЦУ СВОЕМУ, И ПОТОМУ НАДЕЮСЬ. 22. МИЛОСТИ ГОСПОДА НЕ КОНЧИЛИСЬ, МИЛОСЕРДИЕ НЕ ИСТОЩИЛОСЬ. 23. ВНОВЬ КАЖДОЕ УТРО - ВЕЛИКА ВЕРНОСТЬ ТВОЯ. 24. "УДЕЛ МОЙ - ГОСПОДЬ", - СКАЗАЛА ДУША МОЯ; ВОТ ПОЧЕМУ НАДЕЮСЬ. 25. БЛАГ ГОСПОДЬ К НАДЕЮЩИМСЯ НА НЕГО, К ДУШЕ, ИЩУЩЕЙ ЕГО. 26. ХОРОШО НАДЕЯТЬСЯ В МОЛЧАНИИ НА СПАСЕНИЕ ГОСПОДНЕ. 27. ХОРОШО ЧЕЛОВЕКУ, КОТОРЫЙ НЕСЕТ БРЕМЯ С ЮНОСТИ. 28. СИДИТ ОДИНОКО И ГРУСТИТ, ИБО ОН ВОЗЛОЖИЛ НА НЕГО. 29. ПУСТЬ ПРАХА КОСНУТСЯ УСТА ЕГО - МОЖЕТ БЫТЬ, ЕЩЕ ЕСТЬ НАДЕЖДА. 30. ПОДСТАВЛЯЕТ ЩЕКУ БЬЮЩЕМУ ЕГО, НАСЫТИТСЯ ПОЗОРОМ. 31. ПОТОМУ ЧТО НЕ ОСТАВЛЯЕТ ГОСПОДЬ НАВЕК. 32. ЕСЛИ И ОПЕЧАЛИТ, СЖАЛИТСЯ ПО ВЕЛИКОМУ МИЛОСЕРДИЮ СВОЕМУ. 33. ПОТОМУ ЧТО НЕ МУЧАЕТ ОН ПО ПРИХОТИ СЕРДЦА СВОЕГО, ПЕЧАЛЯ ЛЮДЕЙ, 34. ПОПИРАЯ НОГАМИ ВСЕХ УЗНИКОВ ЗЕМЛИ, 35. ИСКРИВЛЯЯ СУД ЧЕЛОВЕКА ПЕРЕД ЛИЦОМ ВСЕВЫШНЕГО. 36. ИЗВРАЩАТЬ СУД ЧЕЛОВЕКА - НЕ ДОПУСКАЕТ ЭТОГО ГОСПОДЬ. 37. КТО МОЖЕТ СКАЗАТЬ, И СБУДЕТСЯ, ЕСЛИ ГОСПОДЬ НЕ ПРИКАЗАЛ? 38. НЕ ИЗ УСТ [ЛИ] ВСЕВЫШНЕГО ВЫЙДЕТ ДОБРО И ЗЛО? 39. ЧТО СКОРБЕТЬ ЧЕЛОВЕКУ ЖИВОМУ, МУЖУ - ПО СВОИМ ГРЕХАМ? 40. БУДЕМ ИСКАТЬ НА ПУТЯХ НАШИХ И ПРОВЕРИМ, И ВЕРНЕМСЯ К ГОСПОДУ. 41. ВОЗНЕСЕМ СЕРДЦА В РУКАХ СВОИХ К БОГУ НА НЕБЕСАХ. 42. МЫ ГРЕШИЛИ И БУНТОВАЛИ, НО ТЫ НЕ ПРОСТИЛ. 43. ПОКРЫЛСЯ ГНЕВОМ И ПРЕСЛЕДОВАЛ НАС, УБИВАЛ И НЕ СЖАЛИЛСЯ. 44. ПОКРЫЛ СЕБЯ ОБЛАКОМ, ЧТОБЫ НЕ ДОХОДИЛА МОЛИТВА. 45. СЛИЗЬЮ И МЕРЗОСТЬЮ СДЕЛАЛ НАС СРЕДИ НАРОДОВ. 46. РАЗВЕРЗЛИ СВОИ ПАСТИ ВСЕ ВРАГИ НАШИ. 47. СТРАХ И ЗАПАДНЯ БЫЛИ НАМ, РАЗОРЕНИЕ И РАЗРУХА. 48. ПОТОКИ ВОД ДА ИСТОЧАЕТ ГЛАЗ МОЙ О РАЗРУШЕНИИ ДОЧЕРИ НАРОДА МОЕГО. 49. ГЛАЗ МОЙ ИСТЕКАЕТ БЕЗ ПЕРЕРЫВА И ПЕРЕДЫШКИ. 50. ДОКОЛЕ НЕ ВОЗЗРИТ И НЕ УВИДИТ ГОСПОДЬ С НЕБЕС. 51. МОЙ ГЛАЗ МУЧИТ ДУШУ ИЗ-ЗА ДОЧЕРЕЙ ГОРОДА. 52. ЛОВЯТ МЕНЯ, КАК ПТИЦУ, ВРАГИ МОИ БЕЗ ПРИЧИНЫ. 53. ЗАТОЧИЛИ В ЯМЕ ДУШУ МОЮ И БРОСАЮТ КАМНИ. 54. ЗАЛИВАЮТ ВОДОЙ МОЮ ГОЛОВУ; ПОДУМАЛ Я, ЧТО ПРОПАЛ. 55. ВОЗЗВАЛ Я ИЗ ПОДЗЕМНОЙ ТЕМНИЦЫ К ИМЕНИ ТВОЕМУ, ГОСПОДИ. 56. ВНИМАЛ ТЫ РАНЕЕ ГЛАСУ МОЕМУ, НЕ СОКРОЙ УХО ТВОЕ ОТ ВОПЛЕЙ ОБ ИЗБАВЛЕНИИ. 57. ТЫ БЫЛ БЛИЗОК В ДЕНЬ, КОГДА ПРИЗЫВАЛ ТЕБЯ, ГОВОРИЛ ТЫ: "НЕ БОЙСЯ". 58. ЗА МЕНЯ ТЫ БЫЛ ПРОТИВ ВРАГОВ МОИХ, СПАСАЛ ЖИЗНЬ МОЮ. 59. ВИДЕЛ ТЫ, ГОСПОДИ, КРИВДУ, КОГДА СУДИЛИ МЕНЯ, БУДЬ СУДЬЕЙ МОИМ! 60. ВИДЕЛ ТЫ, КАК МСТИЛИ МНЕ, ЧТО ЗАМЫШЛЯЛИ. 61. ТЫ СЛЫШАЛ МОЕ ПОНОШЕНИЕ ОТ НИХ, ВСЕ ИХ ПОМЫСЛЫ ОБО МНЕ, 62. РЕЧЕНИЕ УСТ МОИХ НЕПРИЯТЕЛЕЙ, ЗАМЫСЛЫ ИХ, ОБО МНЕ ОНИ ВЕСЬ ДЕНЬ. 63. СИДЯТ ЛИ ОНИ, СТОЯТ ЛИ, ГЛЯДИ, Я - ПРИБАУТКА У НИХ. 64. ВОЗДАЙ ИМ, ГОСПОДИ, ПО ДЕЯНИЯМ РУК ИХ. 65. ДАЙ ИМ СОКРУШЕНИЕ СЕРДЦА, ТВОЕ ПРОКЛЯТИЕ - ИМ. 66. ПРЕСЛЕДУЙ ИХ ГНЕВОМ И ИСТРЕБИ ИЗ-ПОД НЕБЕС ГОСПОДНИХ.

4. 1. О, КАК ПОТЕМНЕЛО ЗОЛОТО, ПОМЕРКЛО ЧЕРВОННОЕ ЗОЛОТО; ВЫСЫПАЮТСЯ СВЯЩЕННЫЕ КАМНИ НА ВСЕХ ПЛОЩАДЯХ. 2. ДРАГОЦЕННЫЕ СЫНЫ ЦИОН, КОТОРЫХ МЕРИЛИ НА ВЕС ЗОЛОТА, - О, КАК УПОДОБИЛИСЬ ГЛИНЯНЫМ КУВШИНАМ, ПОДЕЛКАМ ГОНЧАРА! 3. И ШАКАЛЫ ДАЮТ СОСЦЫ, ВСКАРМЛИВАЮТ ДЕТЕНЬШЕЙ; А ДОЧЬ НАРОДА МОЕГО СТАЛА ЖЕСТОКОЙ, КАК СТРАУСЫ В ПУСТЫНЕ. 4. ЯЗЫК ГРУДНЫХ МЛАДЕНЦЕВ ПРИЛИП К ГОРТАНИ ОТ ЖАЖДЫ; ДЕТИ ПРОСЯТ ХЛЕБА, НО НИКТО НЕ ОТЛОМИТ. 5. ПРИВЫКШИЕ К ЛАКОМСТВАМ БРОШЕНЫ НА ПЛОЩАДЯХ, ПРИВЫЧНЫЕ К ПУРПУРУ ЛЕЖАТ В МУСОРЕ. 6. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДОЧЕРИ НАРОДА МОЕГО ПРЕВЗОШЛИ ГРЕХ СОДОМА: ТОТ БЫЛ ПЕРЕВЕРНУТ В МИНУТУ И НЕ РУКАМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ. 7. БЫЛИ НАЗОРЕИ ЕЕ ЧИЩЕ СНЕГА, БЕЛЕЙ МОЛОКА, РУМЯНЕЦ ОТТЕНЯЛ ИХ КРАСИВЕЙ КОРАЛЛОВ, СТАН ИХ - КАК САПФИР. 8. ТЕМНЕЕ ЧЕРНОГО ВИД ИХ, НЕУЗНАВАЕМЫ НА УЛИЦЕ, КОЖА СЪЕЖИЛАСЬ НА КОСТЯХ, ИССОХЛА, КАК ДРЕВЕСИНА. 9. ПАВШИМ ОТ МЕЧА БЫЛО ЛУЧШЕ, ЧЕМ ПАВШИМ ОТ ГОЛОДА; ИСТЕКАВШИМ ОТ РАН - ЧЕМ ТЕМ, У КОГО НЕТ УРОЖАЯ. 10. РУКИ ЖАЛОСТЛИВЫХ ЖЕНЩИН ВАРИЛИ ДЕТЕЙ ИХ, СТАЛИ [ДЕТИ] ЕДОЙ ДЛЯ НИХ, ПРИ РАЗРУШЕНИИ ДОЧЕРИ НАРОДА МОЕГО. 11. ИСЧЕРПАЛ ГОСПОДЬ ВЕСЬ ГНЕВ СВОЙ, ВЫЛИЛ ВСЮ ЯРОСТЬ И РАЗЖЕГ ОГОНЬ В ЦИОНЕ, И ПОЖРАЛ ТОТ ВСЕ ОСНОВЫ ЕЕ. 12. НЕ ВЕРИЛИ ЦАРИ ЗЕМНЫЕ И ВСЕ ЖИТЕЛИ МИРА, ЧТО ВОЙДЕТ В ВОРОТА ИЕРУШАЛАИМ ВРАГ И НЕПРИЯТЕЛЬ. 13. ОТ ПРОСТУПКОВ ЕЕ ПРОРОКОВ, ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЕЕ СВЯЩЕННИКОВ, ПРОЛИВАВШИХ В ЕЕ СРЕДЕ КРОВЬ ПРАВЕДНИКОВ. 14. СЛЕПО СКИТАЮТСЯ ПО ПЛОЩАДЯМ, ИЗМАРАЛИСЬ В КРОВИ; НЕВОЗМОЖНО ДОТРОНУТЬСЯ ДО ОДЕЖДЫ ИХ. 15. "ОТОЙДИТЕ, НЕЧИСТЫЕ!" - КРИЧАЛИ ИМ - "ОТОЙДИТЕ, ОТОЙДИТЕ, НЕ ПРИКАСАЙТЕСЬ, ИБО ГРЯЗНЫ ОНИ И СКИТАЮТСЯ" СКАЗАЛИ СРЕДИ НАРОДОВ: "НЕ БУДУТ БОЛЕЕ ОБИТАТЬ. 16. ГНЕВ ГОСПОДЕНЬ РАССЕЯЛ ИХ, НЕ БУДЕТ БОЛЕЕ ВЗИРАТЬ НА НИХ" СВЯЩЕННИКОВ НЕ ПОЧИТАЛИ И СТАРЦЕВ НЕ ЩАДИЛИ. 17. МЫ ВСЕ ЕЩЕ НАПРЯГАЛИ ГЛАЗА НАШИ; НО ПОМОЩЬ НАМ - ОБМАН; СТРАСТНО ЖДАЛИ НАРОД, КОТОРЫЙ НЕ ВЫЗВОЛЯЛ. 18. ПОДСТЕРЕГАЛИ СТОПЫ НАШИ, НЕ ДАВАЛИ ИДТИ ПО УЛИЦАМ, БЛИЗОК НАШ СРОК, ИСПОЛНИЛИСЬ ДНИ, НАСТУПАЕТ КОНЕЦ. 19. ЛЕГЧЕ ОРЛОВ НЕБЕСНЫХ МЧАЛАСЬ ПОГОНЯ ЗА НАМИ, ПО ГОРАМ ПРЕСЛЕДОВАЛИ, ВЫСЛЕЖИВАЛИ В ПУСТЫНЕ. 20. ДЫХАНИЕ УСТ НАШИХ,

ПОМАЗАННИК ГОСПОДЕНЬ, ПОЙМАН В ИХ ЯМУ; ТОТ, ПРО КОГО ГОВОРИЛИ МЫ, - ПОД СЕНЬЮ ЕГО БУДЕМ ЖИТЬ СРЕДИ НАРОДОВ. 21. ВЕСЕЛИСЬ И РАДУЙСЯ, ДОЧЬ ЭДОМА, ОБИТАЮЩАЯ В ЗЕМЛЕ УЦ, И ТЕБЕ ПОДНЕСУТ ЧАШУ, ОПЬЯНЕЕШЬ И ОГОЛИШЬСЯ. 22. КОНЧИЛОСЬ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ТВОЕ, ДОЧЬ ЦИОН, БОЛЕЕ НЕ БУДУТ ИЗГОНЯТЬ ТЕБЯ; УЧТЕНО ПРЕСТУПЛЕНИЕ ТВОЕ, ДОЧЬ ЭДОМА, ОТКРЫТ ГРЕХ ТВОЙ.

5. ВСПОМНИ, ГОСПОДИ, ЧТО БЫЛО С НАМИ, ВЗГЛЯНИ И УВИДЬ ПОЗОР НАШ. 2. УДЕЛЫ НАШИ ПЕРЕШЛИ К ИНОЗЕМЦАМ, ДОМА - К ЧУЖАКАМ. 3. СИРОТАМИ СТАЛИ, БЕЗ ОТЦА, НАШИ МАТЕРИ - КАК ВДОВЫ. 4. ВОДУ ПОКУПАЕМ СЕБЕ ЗА ДЕНЬГИ, ДРОВА - ЗА ПЛАТУ. 5. ЯРМО НА ШЕЕ НАШЕЙ - И ПОГОНЯЮТ, УТОМИЛИСЬ МЫ - И НЕТ ОТДЫХА. 6. ЕГИПТУ ПРОТЯГИВАЛИ РУКУ, И АШУРУ, ЧТОБЫ НАСЫТИТЬСЯ ХЛЕБОМ. 7. НАШИ ОТЦЫ ГРЕШИЛИ, И ИХ НЕТ; А МЫ ПОНЕСЛИ ИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ. 8. РАБЫ ПРАВИЛИ НАМИ, И НЕТ ИЗБАВИТЕЛЯ ОТ РУК ИХ. 9. ХЛЕБ ПРИНОСИМ, РИСКУЯ ЖИЗНЬЮ ОТ МЕЧА В ПУСТЫНЕ. 10. КАК ПЕЧЬ, ПЫШЕТ ЖАРОМ НАША КОЖА ОТ ГОЛОДНОЙ ГОРЯЧКИ. 11. ЖЕН В ЦИОНЕ НАСИЛОВАЛИ, ДЕВ - В ГОРОДАХ ИУДЕИ. 12. ВЕЛЬМОЖ ЗА РУКИ ВЕШАЛИ, НЕ ПОЧИТАЛИ СТАРЦЕВ. 13. ЮНОШИ ТАЩИЛИ ЖЕРНОВА, ОТРОКИ [ПОД ТЯЖЕСТЬЮ] ДРОВ СПОТЫКАЛИСЬ. 14. СТАРЕЙШИНЫ ПЕРЕСТАЛИ СИДЕТЬ В ВОРОТАХ, ЮНОШИ - НАПЕВАТЬ. 15. ЛИШИЛОСЬ РАДОСТИ СЕРДЦЕ НАШЕ, ПРЕВРАТИЛСЯ В ТРАУР ХОРОВОД НАШ. 16. ПАЛ ВЕНЕЦ ГЛАВЫ НАШЕЙ, ГОРЕ НАМ, ИБО ГРЕШИЛИ. 17. ВОТ ИЗ-ЗА ЧЕГО БОЛЬ В НАШЕМ СЕРДЦЕ, ВОТ ПОЧЕМУ ТЕМНО В ГЛАЗАХ: 18. ИЗ-ЗА ГОРЫ ЦИОН РАЗРУШЕННОЙ, ЛИСИЦЫ СНУЮТ ТАМ. 19. А ТЫ, ГОСПОДИ, ВОВЕК ВОССЕДАЕШЬ, ПРЕСТОЛ ТВОЙ ИЗ РОДА В РОД. 20. ЗАЧЕМ ЖЕ НАВЕК ЗАБУДЕШЬ НАС, ОСТАВИШЬ НА ДОЛГИЕ ДНИ? 21. ВОЗВРАЩАЙ НАС, ГОСПОДИ, К СЕБЕ, И МЫ ВЕРНЕМСЯ; ОБНОВИ ДНИ НАШИ, КАК ПРЕЖДЕ. 22. ЕСЛИ ТЫ ДАЖЕ И ПРЕЗРЕЛ НАС, ТО И ГНЕВАЛСЯ ВЕСЬМА СИЛЬНО.

Канун 9-го Ава

В канун 9-го Ава незадолго до захода солнца (то есть до начала поста) устраивается *сеуда мафсекет* — "завершающая" (буквально — "пресекающая" трапеза). В ходе этой трапезы запрещается есть два вида прошедших горячую обработку блюд — даже если они сходны между собой, как, например, макароны и вермишель. Даже продукт, который обычно едят сырым, если его сварили, считается вареным блюдом и исключает любое другое. Поэтому, согласно обычаю, мы едим в ходе этой трапезы вареное яйцо или чечевицу, которые (из-за своей круглой формы) являются символами траура — и тем самым исчерпываем "норму" вареных блюд. Ничего другого вареного или жареного мы не едим и утоляем голод хлебом, молоком или фруктами.

Существует обычай обмакивать кусок хлеба в пепел и есть его с этой "приправой".

Принято есть "завершающую трапезу", сидя на земле (или на полу), однако при этом обязательно подкладывают под себя что-либо (например, одежду), чтобы не на сидеть на голой земле. Разрешается сидеть на низкой табуретке, высота которой менее трех *тефахов*. Этот обычай — не знак траура, а указание на то, что трапеза является не праздничной, а абсолютно будничной. Не следует снимать обувь во время этой трапезы.

Если "завершающая трапеза" завершилась до захода солнца, нам разрешается есть после нее при условии, что мы еще не приняли решения о начале поста (даже мысленно) или не объявили о начале поста вслух. Тот, кто не принял такого решения, а просто решил, что уже насытился и не будет есть до начала поста, может передумать и съесть еще что-нибудь.

9-го Ава запрещается изучать Тору, ибо в Писании сказано: "Повеления Г-спода справедливы, веселят сердце" (*Тегиллим*, 19,9). Таким образом, изучение Торы, несомненно, доставляет радость, а все, что приносит радость, запрещено в этот день. Поэтому 9-го Ава, когда на нас распространяются законы траура, нам запрещается изучать Тору. Существует обычай расширять этот запрет и запрещать изучение Торы и в послеобеденные часы в канун 9-го Ава. Тем не менее, существуют темы и разделы, на которые этот запрет не распространяется, ибо их изучение не доставляет радости.

Существует обычай устраивать в канун 9-го Ава, в середине дня, обильную упорядоченную трапезу (не включающую, однако, вина и мяса), даже более обильную, чем обычно, чтобы грядущий пост не причинил вреда здоровью. Аналогичную трапезу принято устраивать и в канун Йом Кипура.

Этот последний обычай является напоминанием о том, что во времена Второго Храма и канун 9-го Ава, и сам день 9-го Ава были праздничными днями. Вообще, в этот период все четыре дня поста, установленные в знак траура по гибели Храма, были праздничными днями, так что даже непосредственно 9-го Ава устраивались богатые трапезы, в ходе которых пили вино. Мы еще не удостоились этой высокой радости (восстановления Храма и превращения дней траура в праздничные дни) и потому устраиваем лишь трапезу в канун 9-го Ава,

являющуюся воспоминанием о былых временах и указанием на то, что в скором будущем Храм будет отстроен. Эта трапеза выражает уверенность в том, что Всевышний пошлет нам окончательное спасение.

"Завершающую трапезу" принято устраивать после молитвы *Минха*. В ходе этой молитвы не читается покаянный отрывок *Нефилат апаим*, ибо, как мы знаем, 9-е Ава названо *моэдом*, праздником, а в праздничных молитвах (и в *Минхе* в канун праздника) этот отрывок не читается.

В канун 9-го Ава запрещается отправляться на прогулку в общественные места или на рынок, ибо это доставляет веселье.

Стараются устраивать "завершающую трапезу" так, чтобы в ней не участвовали трое взрослых мужчин. Если же они все-таки в ней участвуют, то читают *биркат гамазон* не вместе, а как бы поодиночке. Ибо если трое мужчин участвуют в общей трапезе и читают это благословение вместе, они добавляют к ней особую формулу — *зимун*, но в канун 9-го Ава ее не произносят.

В канун 9-го Ава разрешается есть в любом количестве (без ограничений) овощи и фрукты. Даже после завершения "завершающей трапезы" разрешается пить чай или кофе.

Существует обычай, запрещающий есть в ходе "завершающей трапезы" овощной салат.

Всякое блюдо, состоящее из двух или нескольких компонентов, которые обычно варят вместе, считается одним, а не двумя вареными блюдами, и его разрешается есть в ходе "завершающей трапезы". Однако люди, с особой тщательностью исполняющие заповеди, едят в ходе ее лишь сухой хлеб с солью и пьют только воду. Вот что говорится об этом в Талмуде: "Вот как поступал рабби Йегуда бар Илай: в канун 9-го Ава ему приносили сухой хлеб с солью. Он усаживался около печи (то есть в самом непривлекательном месте в доме) и там съедал его, запивая водой. Он вел себя так, как будто в доме находилось тело умершего родственника".

Законы, связанные с 9-м Ава

9-го Ава запрещены пять вещей: еда и питье, умывание, умащение, "ношение сандалий" (любой кожаной обуви) и супружеская близость.

Все эти запреты распространяются на полные сутки — и на ночь, и на день. Поэтому мы заканчиваем есть еще до наступления 9-го Ава и не едим в сумерки на исходе этого дня.

Обязанность поститься 9-го Ава распространяется на всех — даже на беременных и кормящих женщин. Однако больным людям разрешается есть в этот день даже если пост не несет в себе непосредственной опасности, угрожающей их здоровью. При этом они не должны есть досыта или изысканные блюда, но лишь самые простые в количестве, необходимом для их здоровья.

Если 9-е Ава приходится на воскресенье, больной (который в этот день не постится), прежде чем приступить к еде, должен совершить *Гавдалу* (хотя все остальные в таком случае делают *Гавдалу* лишь по завершению поста).

9-го Ава запрещается полоскать рот — как утром, так и днем, до окончания поста.

9-го Ава запрещается умываться как горячей, так и холодной водой. Запрещается даже погружать в воду палец. Однако этот запрет относится лишь к умыванию, совершаемому ради удовольствия. В то же время разрешается умывать руки (или иные части тела) для того, чтобы смыть попавшую на них грязь. Разрешается также вымыть руки утром, пробудившись от сна, как и во все другие дни. Однако 9-го Ава мы умываем руки не целиком (всю кисть), а лишь пальцы — до суставов, а затем чуть влажными (но не мокрыми) руками проводим по векам — этим завершается утреннее умывание. Однако если глаза были грязными, разрешается вымыть их, как в обычные дни.

Женщинам, которые готовят в этот день пищу, разрешается мыть и ополаскивать продукты по мере необходимости, как в обычные дни (несмотря на то, что при этом они мочат руки), потому, что они делают это не ради умывания.

Запрет на "ношение сандалий" относится только к кожаной обуви. Разрешается носить деревянную или резиновую обувь, однако не в том случае, если она покрыта кожей или имеет кожаные подметки. Тот, кому необходимо пройти по месту, изобилующему колючками, или же (вне пределов Эрец Исраэль) по улице, где живут неевреи (среди которых не принято носить суррогатную обувь), может надеть кожаную обувь, но только непосредственно перед тем, как войти в упомянутое место — а затем он должен снять ее.

Разрешается мыть и умащать маленького ребенка — так же как во все остальные дни года.

Все запреты, относящиеся к 9-му Ава, распространяются на промежуток времени между заходом солнца 8-го Ава и исходом 9-го Ава на следующий день.

Мы уже говорили о том, что 9-го Ава запрещается изучать Тору, потому что это радует сердце. Однако разрешается изучать главу *Везлу мегалхин* ("Нижеперечисленные обривают...") из Трактата Талмуда *Моэд катан*, обсуждающую законы траура и законы об отлученных, равно как и *Мидраш Эйха*, Книгу *Эйха* и относящиеся к ней комментарии, а также Книгу Ййова, ибо все эти тексты повествуют о печальных вещах. Кроме того, разрешается изучать главы из Книги Йирмеягу, в которых пророк упрекает еврейский народ за совершенные им прегрешения и предсказывает различные бедствия. Изучая их, следует пропускать фрагменты, в которых пророк утешает еврейский народ. Разрешается также изучать *Мидраши* из Трактата *Гитин*, рассказывающие о разрушении Храма.

9-го Ава запрещается приветствовать знакомых, даже обращаться к ним со словами: "Доброе утро". Однако если знакомый обращается к нам с приветствием, мы обязаны ответить ему (правда, тихим голосом), чтобы он не проникнулся к нам неприязнью. 9-го Ава запрещается посылать кому-либо подарки.

Согласно общепринятому обычаю, 9-го Ава стараются не совершать никакой работы, кроме неотложной, ибо работа отвлекает человека от траура. Этот фактический запрет относится к ночи 9-го Ава и утру этого дня — вплоть до полудня. Он не распространяется на конец дня, однако все же предпочтительно воздерживаться от работы до конца поста — дабы ничто не отвлекало человека от траурных мыслей.

Ночью 9-го Ава и утром (до полудня) принято сидеть на земле или на низком табурете (высотой не более трех *тефахов*)

Следует воздерживаться от посещения публичных мест, людных улиц и рынков, чтобы не вступать в ненужные разговоры, отвлекающие от траура, а также чтобы случайно не оказаться в веселой компании или вынужденным совершить веселящее или развлекающее действие.

Существует обычай спать 9-го Ава не на кровати, а на матраце, разложенном прямо на полу. В любом случае, даже тот, кто спит на кровати, должен внести в ее устройство какие-либо изменения. Например, тот, кто обычно подкладывает под голову две подушки, должен в эту ночь удовольствоваться одной. Существует обычай подкладывать камень под подушку или под матрац в память о гибели Храма.

Принято начинать готовить пищу на вечер (после завершения поста) лишь после полудня 9-го Ава.

9-го Ава не вдыхают запах духов или пряностей, равно как и не курят прилюдно.

9-го Ава не надевают нарядную одежду, даже если она не новая.

Во многих общинах принято 9-го Ава после полудня приводить дом в порядок и мыть полы — как символ грядущего освобождения, которого мы надеемся вскоре удостоиться. Еврейская традиция утверждает, что именно 9-го Ава родится *Машиах*.

Всякий, кто ест 9-го Ава, не будучи освобожденным от поста согласно закону, не увидит восстановленный и радостный Иерусалим. В то же время каждый, кто скорбит об Иерусалиме, удостоится увидеть его восстановленным и радостным, как обещает пророк: "Возрадуетесь с ним радостью, все скорбящие о нем (Иерусалиме)" (*Йешаягу*, 66,10).

Вечерняя молитва 9-го Ава

Вечером 9-го Ава читается обычная будничная молитва *Маарив*. После чтения *Шмоне-Эсре* произносится *Кадииш*, а затем читаются Книга *Эйха* и *Кинот* (ламентации). Затем читается *Беата кадоиш*. В произносимом после этого *Кадиише* не читается фрагмент *Титкабель* ("Будут приняты их молитвы"). Это же относится и к *Кадиишу*, читаемому 9-го Ава после утренней молитвы *Шахарит*, однако в *Кадиише*, произносимом после послеобеденной молитвы *Минха*, *Титкабель* уже читается.

Почему мы исключаем 9-го Ава *Титкабель* из *Кадииша*? Потому, что в Книге *Эйха* сказано: "Не дает Он дойти молитве моей" (*Эйха*, 3,8). Как же, в таком случае, можем мы произнести слова: "Будут приняты их молитвы" — ведь (в этот день) путь к Всевышнему для них закрыт? В некоторых общинах существует обычай произносить *Титкабель* в вечерней молитве, ибо она читается еще до чтения *Эйхи*, то есть до того, как мы произносим слова пророка: "Не дает Он дойти молитве моей".

Наши мудрецы сказали: "Всевышний сказал (ангелам в час разрушения Храма): "Как поступает земной царь в час траура? Он гасит фонари (во дворце). Так же поступаю и Я". Поэтому и сказано в Писании: "Солнце и луна тускнеют, и звезды теряют свой свет" (*Йозель*, 2,10)".

Вечером 9-го Ава в синагоге зажигают всего один светильник, снимают занавес с *Арон га-кодеш* и возвращают его на место во время молитвы *Минха* на следующий день. Во многих сефардских общинах принято гасить (основной) свет в синагоге, оставляя лишь незначительное освещение; кантор в этих синагогах вслух считает годы, прошедшие после разрушения Храма, произнося такую формулу: "Этот год — такой-то год после разрушения Второго Храма". В 4720-м (1960-м) году он провозглашал: "Этот год — 1892-й год после разрушения Второго Храма". Вообще, чтобы определить, каким является текущий еврейский год, если его отсчитывать после разрушения Храма, следует прибавить к числу, образованному его тремя последними десятичными знаками, число 1172.

Во всех сефардских общинах и в большинстве ашкеназских общин Книгу *Эйха* читают по обычной печатной книге, не произнося при этом благословения. Однако в некоторых ашкеназских общинах следуют обычаю, установленному Виленским Гаоном, и читают эту книгу по специальному свитку (так же, как, например, *Мегилат Эстер*), произнося при этом соответствующее благословение: "На чтение свитка". Однако и в этих общинах Книгу *Эйха* читают вторично, во время утренней молитвы, уже без благословения.

Рама писал, что тот, кто читает вслух Книгу *Эйха*, должен повысить голос всякий раз, когда он доходит до слова *Эйха*.

В книге *Лвуш* отмечается, что несмотря на то, что Книгу *Эйха*, так же как и Книгу *Эстер*, мы обязаны читать в синагоге, в большинстве общин ее (в отличие от Книги *Эстер*) не записывают на пергаменте, так же как и другие *Мегилот* — *Шир га-ширим*, *Рут* и *Когелет*. Дело в том, что писцы редко посвящали свое время написанию Книги *Эйха*, так как изо дня в день ожидали восстановления Храма, после которого 9-е Ава превратится из дня скорби в день радости, так что заповедь читать в синагогах скорбную Книгу *Эйха* будет отменена. Поэтому и сложился вынужденный обычай читать *Эйху* по напечатанной книге.

Все присутствующие в синагоге молча слушают, как кантор читает Книгу *Эйха*. Однако когда он доходит до предпоследней фразы Книги (*Гашивейну* — "Верни нас, Г-споди, к Тебе, и мы вернемся, obnovи дни наши как в прежние времена" — *Эйха*, 5,21), присутствующие произносят ее громко вслух, а кантор лишь повторяет ее за ними. После того, как кантор заканчивает чтение книги, присутствующие и он сам вслед за ними громко произносят эту фразу еще раз.

Если 9-е Ава начинается на исходе субботы, из вечерней молитвы *Маарив* исключается фрагмент *Веиги ноам*, ибо он связан с работами по строительству Храма, а мы как раз отмечаем горестный час его разрушения.

Фрагмент *Беата кадош* ("А Ты свят") читается после Книги *Эйха* даже если 9-е Ава наступает не на исходе субботы, ибо весь мир существует лишь благодаря святости Всевышнего, являющейся первоосновой Торы, — в то время, как 9-го Ава мы не можем ее изучать. Предшествующие слова *Ува ле-Цион гоэль* ("И придет Освободитель Израиля") не читаются, ибо избавление не может прийти ночью.

Не произносятся и слова *Веани зот брити* ("Это Мой союз"), ибо, произнесенные 9-го Ава, они как бы указывают на заключение союза с разрушением.

Даже тот, кто пребывает в трауре, должен отправиться в синагогу и прослушать чтение Книги *Эйха* и ламентаций.

Утренняя молитва 9-го Ава

Существует обычай не произносить в числе утренних благословений 9-го Ава благословение "Который дал мне все необходимое". В таком случае это благословение произносится вечером, на исходе 9-го Ава, перед тем, как мы надеваем кожаную обувь. Некоторые не произносят утром и благословение "Который венчает Израиль славой". Они произносят его в ходе молитвы *Минха*, когда надевают *тфилин*. Однако согласно простому обычаю, принятому в большинстве ашкеназских общин, следует утром произносить все принятые благословения — как обычно.

Утром — в ходе утренней молитвы — не закутываются в большой *талит* (но надевают малый *шалит*, как обычно) и не надевают *тфилин*. Все это откладывается до *Минхи*. Дело в том, что *тфилин* названы "нашей славой", но 9-го Ава наша слава у нас отнята. Кроме того, в Книге *Эйха* сказано: "Г-сподь... исполнил слово Свое" (*Эйха*, 2,17). Арамейский перевод-интерпретация этих слов гласит: "Всевышний надорвал Свой *талит*". Существует обычай надевать утром *талит* и *тфилин* дома, в одиночестве, читать молитву *Шма Исраэль*, а затем идти в синагогу на утреннюю молитву уже без *талита* и *тфилин*. Согласно другому обычаю, *талит* и *тфилин* все-таки надевают в синагоге перед утренней молитвой, но снимают перед чтением Книги *Эйха* и ламентаций.

Утром 9-го Ава читается обычная будничная молитва. Повторяя *Шмоне-Эсре*, кантор вставляет в нее *Анейну* между благословениями *Гоэль Исраэль* ("Избавитель Израиля") и *Рефаэйну* ("Излечи нас") — так же, как в дни всех других постов (*Тааниет цибуур*). В сефардских общинах принято, что молящиеся также читают *Анейну*, включая его в благословение *Шомеа тфила* ("Слышащий молитву"). Поскольку 9-е Ава называется *моэдом* (праздником), в этот день не читается покаянная молитва *Таханун*. *Когены* не поднимаются на возвышение ни в ходе утренней молитвы *Шахарит*, ни в ходе *Минхи*.

В *Шахарит* не включаются *Шир шел йом* (Псалом, соответствующий дню недели, на который выпадает 9-е Ава) и фрагмент *Эйн ке-Элокейну*. Вместо этого их читают перед *Минхой* — тогда же, когда надевают *тфилин*.

В некоторых общинах отрывок *Нахем* читается в *Шахарите*, иногда — только кантором, но не самими молящимися. В ашкеназских общинах *Нахем* вообще не читается в *Шахарите* — ни кантором, ни молящимися, — а только в *Минхе*.

9-го Ава к Торе вызываются три человека. Они читают отрывок из главы *Ваэтханан*, посвященный бедствиям, которые обрушатся на еврейский народ, и начинающийся словами: "Когда же родятся у тебя сыновья" (*Дварим*, 4,25). В качестве *Гафтары* читается фрагмент из книги пророка Йирмеягу, также рассказывающий о гибели Храма и начинающийся словами: "Окончательно уничтожу Я их" (*Йирмеягу*, 8,13). После *Гафтары* читаются *Кинот* (ламентации) и Книга *Эйха* (на этот раз без благословения). Затем читаются *Аирей* и *Ува ле-Цион*, но не читается *Ламенацейах* (опять-таки, потому, что 9-е Ава — *моэд*). Слова *Веани зот бриту...* ("Вот Мой завет") опускаются, ибо они относятся к Торе, а в этот день изучение ее запрещено. Другая причина, по которой эти слова опускаются, уже была упомянута выше — чтобы не создалось впечатление, что мы заключаем союз с бедствием.

Существует обычай, согласно которому первый, кто поднимается на возвышение для того, чтобы читать Тору, произносит шепотом перед тем, как прочесть благословение на чтение Торы, следующие слова: *Барух даян га-эмет* ("Благословен праведный Судья" — эти слова еврейская традиция обязывает нас произносить всякий раз, когда мы узнаем о постигшей нас беде) — однако без упоминания Имени Всевышнего и Его Царства (то есть сокращая это благословение).

Обрезание 9-го Ава производится после чтения *Кинот*. Младенцу или его матери при этом дают выпить вина. Если пост 9-го Ава переносится с субботы на воскресенье, отец ребенка, *моэль* (человек, совершающий обрезание) и *сандак* (его приемный отец) устраивают праздничную трапезу в послеобеденные часы и надевают праздничную одежду.

Существует обычай посещать 9-го Ава кладбище. Старожилы Иерусалима, согласно традиции, обходят вокруг стен Старого города, скорбя о разрушении Иерусалима.

Принято делать пожертвования во все дни поста. Наши мудрецы учат, что главная награда за исполнение заповедей о посте приходит через благотворительное пожертвование, сделанное в этот день.

Минха 9-го Ава

В ходе молитвы *Минха* мы надеваем *шалит* и *тфилин*, читаем *Ваехаль* и заканчиваем чтением *Гафтары*, взятой из книги пророка *Йешаягу* и начинающейся словами: "Ищите Г-спода, когда можно найти Его, призывайте Его, когда Он близко" (*Йешаягу*, 55,6) — как в другие дни поста. Читая молитву *Шмоне-Зоре*, мы включаем в благословение *Боне Йерушалаим* ("Отстраивающий Иерусалим") фрагмент *Нахем*, который весь — молитва о восстановлении Циона и Иерусалима. В благословение *Шомеа тфила* включается *Анейну*. Почему мы читаем *Нахем* в *Минхе*, а не в *Шахарите*? Потому что именно в то время, когда

читается *Минха*, Храм был подожжен и горел до конца дня 10-го Ава. Согласно другому объяснению, дело в том, что утром мы пребываем в таком же глубоком трауре, как человек, в доме которого находится еще не похороненный близкий родственник. В это время мы не принимаем соболезнования и слова утешения. Однако в часы, когда читается *Минха*, мы уже принимаем слова утешения.

Больные и дети, которые едят 9-го Ава, также читают *Нахем* в *Минхе*.

Тот, кто забыл включить в *Минху* фрагмент *Нахем*, не должен читать молитву еще раз

Исход 9-го Ава

На исходе дня принято совершать *нети пат ядаим* ("омовение рук"), поскольку утром мы омывали руки лишь частично, до основания пальцев.

Если 9-е Ава приходится на воскресенье, на исходе дня мы завершаем *Гавдалу* (которую не завершили на исходе субботы), произнося благословение над бокалом вина (хотя, вообще говоря, обычно не пьем вина и не едим мяса до середины дня 10-го Ава, ибо именно в этот день и горел, в основном, Иерусалимский Храм) Мы произносим лишь благословение на вино и благословение об отделении святого от будничного, но не благословение на свечу, ибо оно произносится только на исходе субботы, в тот самый час, когда были сотворены источники огня Не произносится и благословение на благоволия, ибо и его произносят лишь на исходе субботы для того, чтобы укрепить человеческую душу, скорбящую об утраченной *нешама йетера* ("дополнительной душе").

Кидуш лавана ("благословение месяца") Ава производится на исходе 9-го Ава.

Принято не принимать ванну и не стричься до середины дня 10-го Ава по причине, которую мы разъяснили выше В Талмуде рассказывается, что некоторые из мудрецов постились в течение двух дней — 9-го и 10-го Ава. Однако если 9-е Ава приходится на четверг, а 10-е — на пятницу, разрешается мыться и стричься утром 10-го Ава — в честь наступающей субботы.

Если 9-е Ава приходится на субботу и из-за этого пост переносится на 10-е Ава, то в ночь, наступающую после завершения поста, не едят мяса и не пьют вина, однако эти запреты не распространяются на наступающее за этой ночью утро.

В память о разрушении Храма

Сразу же после разрушения Храма мудрецы того поколения постановили, что все радостные события будут отныне содержать в себе элемент, напоминающий о гибели Храма. Они обосновывали это постановление словами Псалма: "Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть забудет меня моя правая рука. Да прилипнет язык мой к небу моему... если не вознесу Иерусалим на вершину веселья моего" (*Тегиллим*, 137,5). Поэтому когда мы белим дом, мы оставляем квадрат стены площадью в одну квадратную *аму* напротив входа (некоторые оставляют его над входом) непобеленным — чтобы мы постоянно видели его и скорбели о разрушении Храма.

По той же причине мы, накрывая стол для трапезы, в которой будут участвовать гости, оставляем часть его пустой, не ставим на нее столовые приборы. Так мы поступаем, готовясь ко всем трапезам, устраиваемым в будние дни, даже если это *сеудат мицва* — заповедь, предписанная заповедью. Это не относится к трапезам, устраиваемым в субботу и праздники, ибо в эти дни проявления траура запрещены.

Женщина не должна надевать сразу все свои украшения, но обязательно оставлять хотя бы одно из них ненадетым — в память о Храме. Во время бракосочетания жених кладет щепотку пепла на то место на голове, куда накладываются *тфилин*. По той же причине принято разбивать стакан в то время, когда жених и невеста стоят под *хупой*. Все эти обычаи были введены для того, чтобы мы всегда помнили о разрушении Иерусалима.

Талмуд (*Бава Батра*, 60б) рассказывает, что после разрушения Второго Храма очень многие евреи стали накладывать на себя всевозможные ограничения и, в том числе, перестали пить вино и есть мясо. Рабби Йегошуа обратился к ним с упреком: "Почему вы, дети мои, не едите мяса и не пьете вина?" Они ответили ему: "Как можем мы есть мясо, которое возлагалось на жертвенник в Храме — и больше не возлагается! Как можем мы пить вино, которое возливалось на жертвенник — и больше не возливается!" Он сказал им: "Раз так, вы не должны есть (ничего — даже) хлеб — ведь и жертвы *Минха* больше не приносятся". Они ответили ему: "Мы можем есть фрукты". Он возразил: "Вы не должны есть и фрукты — ведь *бикурим* больше не приносятся". Они ответили: "Мы можем есть другие фрукты (то есть фрукты, не принадлежащие к семи видам, которые приносятся в качестве *бикурим*)". Он возразил: "Но тогда вы не должны пить и воду — ведь водные возлияния также прекратились". Возразить им было нечего.

Тогда рабби Йегошуа сказал им: "Дети мои, я скажу вам следующее: "Поскольку приговор Всевышнего свершился, мы не можем не скорбеть. Однако нельзя и скорбеть сверх меры, ибо (не принимают и) не обязывают народ соблюдать постановления, которые большая часть его не может выполнить"". Поэтому наши мудрецы и приняли разумные траурные постановления: чтобы мы оставляли непобеленный квадрат стены у входа и т.д.

Тот, кто видит разрушенные города Иудей

Тот, кто видит разрушенные города Иудей (например, Хеврон, находящийся во власти неевреев), произносит такую формулу: "Твои святые города стали пустыней", разрывает (рубашку) с левой стороны и произносит благословение: "Благословен праведный Судья" (не упоминая Имя Всевышнего и Его Царство). Тот, кто видит затем разрушенный Иерусалим, произносит: "Цион стал разоренной пустыней", и разрывает рубашку снова, на три пальца в сторону от первого разрыва.

Тот, кто видит развалины Храма, произносит: "Дом Твоей святости и Твоего великолепия, где прославляли Тебя наши отцы, был сожжен дотла и все сокровища его стали руинами..."

Рабби Яаков Эмден писал: "Запрещено предаваться в этом мире безудержному веселью, даже если это веселье связано с исполнением заповеди, по двум причинам. Первая: потому, что безудержное веселье подталкивает человека к аморальному поведению. Вторая: потому что Храм, наша святыня и гордость, разрушен. Необходимо добавить, что даже если бы мы были виновны лишь в одном грехе — недостаточной скорби по Иерусалиму, — одного этого хватило бы, чтобы продлить годы нашего рассеяния и изгнания. На мой взгляд, это самая очевидная, явная, непосредственная и серьезная причина всех страшных, пугающих бедствий и кровопролитий (о которых трудно даже помыслить), постигших нас в годы изгнания во всех странах нашего рассеяния. Нас безжалостно преследовали, так, что мы нигде не находили пристанища, из-за того, что скорбь по Храму покинула наши сердца. Обретая (временный) покой в чужой земле, мы забывали об Иерусалиме".

Беды, постигшие Израиль 9-го Ава

Наши мудрецы сказали: (*Мишна, Таанит*, гл. 4): "Пять трагических событий произошли с нашими отцами 9-го Ава". Вот их перечень.

1. Всевышний постановил, что поколение евреев, находившихся с Моше в пустыне, не войдет в Эрец Исраэль, как сказано в Торе: "Никто их этих людей, из этого недоброго поколения, не увидит прекрасной земли, которую Я поклялся отдать отцам вашим" (*Дварим*, 1,35).
2. Был разрушен Первый Храм.
3. Был разрушен Второй Храм.
4. Пал город Бейтар.
5. Разрушенный Иерусалим был распахан, как сказано в Писании: "Цион будет вспахан, как поле" (*Йирмеягу*, 26,18)".

Наших отцов постигли в этот горький день и многие другие бедствия. Они продолжались и после разрушения Храма. Величайшее из этих бедствий — изгнание из Испании, происшедшее в 5252-м (1492-м) году. Испанский король Фердинанд издал указ, согласно которому после конца июля этого года ни один еврей не имел права находиться на территории Испании. Затем он предоставил евреям отсрочку до 2-го августа, на который в этом году пришлось 9-е Ава. Как писал Абарбанель, "в этот самый день все евреи оставили Испанию". Они стали жертвой стихий и добычей хищников и разбойников — как двуногих, так и четвероногих.

Хотя в XX веке нас постигло бедствие, несравнимое ни с чем в истории (Катастрофа европейского еврейства), мы до сих пор не забываем о ужасной беде, постигшей евреев Испании. Их община была счастливейшей из всех еврейских общин Диаспоры, самой богатой и многочисленной — но обрушившаяся на нее беда уничтожила ее практически полностью. От нее осталась лишь горсточка истерзанных людей Эта община, жемчужина Диаспоры, прекратила свое существование 9-го Ава и никогда не возродилась. Именно об этом говорили мудрецы Талмуда (*Таанит*, 29б): "Награда связывается с днем награды, наказание — с днем наказания".

Из книги «Сефер Гатодаа», Элиягу Ки-Тов, 1991